P
98574

431/158
Б01-13/2994
10044

ЛАМЕННЭ

Слова вѣрующаго
Памфлетъ

Переводъ съ французскаго
В. и Л. Андрусонъ

Цѣна 25 коп.

Изданіе А. Е. Бѣляева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія газеты «Россія» Бассейная, № 3.
1906.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

КЪ НАРОДУ.

Эта книга написана преимущественно для васъ; вамъ я ее предлагаю. Да воодушевитъ она васъ и утѣшитъ хоть немного, среди столькихъ бѣдствій, выпавшихъ на вашу долю, среди столькихъ горестей, которыя васъ угнетаютъ, почти не давая вамъ передохнуть.

Вы, несущіе на себѣ тяготы дня,—я желалъ бы, чтобы она была для вашей бѣдной, утомленной души тѣмъ же, что на югѣ, въ уголкѣ поля, тѣнь дерева, какъ бы бѣдно оно ни было,—тому, кто проработалъ все утро подъ палящими лучами солнца.

Вы живете въ трудныя времена, но эти времена пройдутъ.

Послѣ суровой зимы Провидѣніе посылаетъ намъ менѣе тяжелое время, и маленькая птичка благословляетъ въ своихъ пѣсняхъ благодѣтельную руку, вернувшую ей тепло и изобиліе, подругу и родное гнѣздышко.

Надѣйтесь и любите. Надежда все смягчаетъ, любовь дѣлаетъ все легкимъ.

Сейчасъ есть люди, которые много страдаютъ за то, что они васъ много любили. Я, ихъ братъ, я написалъ разсказъ о томъ, что они сдѣлали для и ради васъ, и о томъ, что сдѣлали имъ и противъ нихъ за это; и когда насиліе изсякнетъ само въ себѣ, я обнародую этотъ разсказъ, и вы прочтете его со слезами тогда уже менѣе горькими, и вы также полюбите тѣхъ людей, которые васъ такъ любили.

Если бы я теперь разсказалъ вамъ о ихъ любви и о ихъ страданіяхъ, меня вмѣстѣ съ ними бросили бы въ тюрьму.

Съ великой радостью вошелъ бы я въ нее, если бы ваша горькая доля стала отъ этого хоть немного легче; но никакого утѣшенія не будетъ вамъ отъ этого,—вотъ почему нужно ждать и молить Бога, чтобы Онъ сократилъ испытаніе.

Теперь судятъ и угнетаютъ люди: скоро будетъ судить Онъ. Счастливъ, кто узритъ Его правосудіе.

Я старъ: слушайте слова старика.

Земля печальна и суха, но она снова зазеленѣетъ. Дыханіе зла не вѣчно будетъ проноситься по ней всесожигающимъ вихремъ.

Провидѣніе хочетъ, чтобы то, что теперь происходитъ, послужило вамъ урокомъ, дабы научились вы быть добрыми и справедливыми, когда вашъ часъ придетъ.

Когда тѣ, кто злоупотребляютъ могуществомъ, пройдутъ передъ вами, подобно грязи ручьевъ во время грозы, тогда вы поймете, что одно только

добро прочно, и вы побоитесь загрязнить воздухъ, очищенный небеснымъ вѣтромъ.

Приготовьте ваши души къ этому времени, ибо оно не далеко, оно приближается.

Христосъ, распятый за васъ, обѣщалъ освободить васъ.

Вѣрьте его обѣту, и чтобы ускорить его выполненіе исправляйте то, что нуждается въ исправленіи, упражняйтесь во всѣхъ добродѣтеляхъ и любите другъ друга, какъ любилъ васъ до самой смерти Спаситель рода человѣческаго.

СЛОВА ВѢРУЮЩАГО.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе.

Имѣющій уши слышать—да слышитъ; имѣющій очи видѣть—да видитъ, ибо времена приближаются.

Отецъ родилъ Сына, Его слово, Его Глаголъ, и Глаголъ воплотился, и Онъ жилъ среди насъ; и Онъ сошелъ въ міръ, но міръ не узналъ Его.

Сынъ обѣщалъ послать Духа утѣшителя, Духа предтечу Отца и Его, который есть ихъ взаимная Любовь: онъ придетъ и обновитъ ликъ земли, и это будетъ какъ второе твореніе.

Прошло уже восемнадцать вѣковъ, какъ Глаголъ разсѣялъ божественное сѣмя, и святой Духъ оплодотворилъ его. Люди видѣли, какъ оно расцвѣло, они вкусили плодовъ его, плодовъ древа жизни, посаженнаго въ ихъ бѣдномъ жилищѣ.

Говорю вамъ,—великая радость была межъ нихъ, когда они увидѣли явленный имъ свѣтъ и почувствовали какъ въ нихъ проникъ небесный огонь.

Теперь же земля снова стала темной и холодной.

Наши отцы видѣли закатъ солнца. Когда оно опустилось за горизонтъ, родъ человѣческій содрогнулся. Потомъ въ эту ночь было—я не знаю что, —то, чему нѣтъ имени. Дѣти ночи, Западъ теменъ, но Востокъ начинаетъ свѣтлѣть.

II.

Прислушайтесь и скажите мнѣ, откуда этотъ шумъ—спутанный, неясный, странный, который слышится со всѣхъ сторонъ.

Положите руку на землю и скажите мнѣ, отчего она содрогнулась.

Что-то, мы не знаемъ что, зашевелилось въ мірѣ; въ этомъ есть участіе Бога.

Развѣ каждый не въ ожиданіи? Развѣ есть такое сердце, которое не бьется?

Сынъ земли, поднимись на высоту и возвѣсти, что ты видишь.

Я вижу на горизонтѣ багровое облако и вокругъ негокрасное зарево, подобное отблеску пожара.

Сынъ земли, что видишь ты еще?

Я вижу какъ море вздымаетъ свои волны, и горы колеблятъ своими вершинами.

Я вижу какъ рѣки мѣняютъ свои русла и холмы шатаются и падая загромождаютъ долины.

Все колеблется, все движется, все принимаетъ новый видъ.

Сынъ земли, что видишь ты еще?

Я вижу вихри пыли въ отдаленіи; они расходят-

ся во всѣ стороны, сталкиваются, смѣшиваются и сливаются. Они пролетаютъ надъ городами и когда минуютъ, ихъ видна только равнина.

Я вижу какъ подымаются мятущіеся народы и цари блѣднѣютъ подъ діадемою. Межъ ними война, война на жизнь и смерть.

Я вижу тронъ, два трона разбиты, и народы разбрасываютъ обломки по землѣ.

Я вижу какъ сражается одинъ народъ, подобный Архангелу Михаилу, поражающему Дьявола. Его удары ужасны, но онъ нагъ, а врагъ его покрытъ крѣпкою броней.

Боже! онъ падаетъ: онъ пораженъ на смерть. Нѣтъ,—онъ только раненъ. Марія, Дѣва-Богоматерь окутываетъ его своимъ плащомъ, улыбается ему и выноситъ на время съ поля битвы.

Я вижу какъ бьется безъ устали другой народъ: съ каждымъ часомъ онъ черпаетъ новыя силы въ этой борьбѣ. На груди его знакъ Христа.

Я вижу третій народъ, котораго шесть царей придавили пятою, и каждый разъ, какъ онъ пошевельнется, шесть кинжаловъ вонзаются въ его горло.

Я вижу высоко въ воздухѣ, на громадномъ зданіи крестъ, я съ трудомъ различаю его, такъ какъ онъ окутанъ чернымъ покрываломъ.

Сынъ земли, что видишь ты еще?

Я вижу какъ Востокъ мятется въ себѣ самомъ. Онъ смотритъ какъ рушатся его древніе дворцы,

какъ его старые храмы разсыпаются въ прахъ, и онъ подымаетъ глаза, будто ищетъ другія святыни, другого Бога.

Я вижу на Западѣ женщину съ гордымъ взоромъ и яснымъ челомъ; твердою рукою она проводитъ легкую борозду, и всюду гдѣ проходитъ ея плугъ,— я вижу—подымаются новыя поколѣнія, которыя призываютъ ее въ своихъ молитвахъ и благословляютъ ее въ своихъ пѣсняхъ.

Я вижу на Сѣверѣ людей, у которыхъ остатки тепла ударили въ голову, оно ихъ опьяняетъ; но Христосъ касается ихъ крестомъ, и сердца ихъ снова начинаютъ биться.

Я вижу на Югѣ племена отягощенныя, не знаю какимъ, проклятіемъ: тяжелое ярмо гнететъ ихъ, и они идутъ согбенные; но Христосъ касается ихъ своимъ крестомъ, и спины ихъ выпрямляются.

Сынъ земли, что видишь ты еще?

Онъ не отвѣчаетъ; крикнемъ еще разъ:

Сынъ земли, что видишь ты?

Я вижу какъ Дьяволъ бѣжитъ, и Христа въ сонмѣ ангеловъ грядущаго на царство.

III.

И я былъ перенесенъ духовно въ древнія времена. И земля была прекрасна, богата и плодородна; и обитатели ея жили счастливо, ибо они жили какъ братья.

И я увидѣлъ Змѣя, скользящаго межъ нихъ: онъ устремлялъ на иныхъ свой могущественный взглядъ, и душа ихъ приходила въ смятеніе, они приближались, и Змѣй говорилъ имъ на ухо.

И выслушавъ слово Змѣя, они поднялись и сказали: „Мы цари“.

И солнце поблѣднѣло, и земля стала мертвенно блѣдной, какъ саванъ, окутывающій мертвецовъ.

И послышался глухой шумъ, долгая жалоба, и каждый содрогнулся въ душѣ.

Воистину, говорю вамъ, это былъ такой же день, какъ тотъ, когда пучина прорвала преграды и хлынулъ изъ нея потокъ великихъ водъ.

Ужасъ прошелъ изъ хижины въ хижину, ибо тогда еще не было дворцовъ, и каждому онъ говорилъ какую-то тайну, приводящую въ трепетъ.

И сказавшіе: „Мы цари“, взяли мечъ и слѣдовали за ужасомъ изъ хижины въ хижину.

И тамъ произошли странныя тайны; тамъ были цѣпи, слезы и кровь.

Люди въ ужасѣ вскричали: „Убійство снова явилось въ міръ!“ И только и было, потому что ужасъ проникъ въ ихъ души и отнялъ силу ихъ рукъ.

И они допустили наложить оковы,—на себя, на женъ своихъ, на дѣтей. А тѣ, кто сказали: „Мы цари“, вырыли подобіе огромной пещеры, и заперли тамъ все человѣчество, какъ запираютъ скотъ во хлѣву.

И буря гнала тучи, и гремѣлъ громъ, и я услышалъ голосъ, который сказалъ: „Змѣй побѣдилъ во второй разъ, но не навѣки“.

Затѣмъ я слышалъ только смутные голоса, смѣхъ, рыданія и богохульства.

И я понялъ, что передъ царствомъ Божіимъ должно настать царство Дьявола. И я буду плакать и надѣяться.

И видѣніе, которое было мнѣ, было истинно ибо царство Дьявола свершилось, и царство Божіе также свершится; и тѣ, кто сказали: „Мы цари“, будутъ въ свою очередь заключены въ пещеру вмѣстѣ со Змѣемъ, родъ же человѣческій выйдетъ изъ нея; и это будетъ для него какъ второе рожденіе, какъ переходъ отъ смерти къ жизни.

Да будетъ такъ.

IV.

Вы—дѣти одного отца, и одна мать вскормила васъ своимъ молокомъ; почему же вы не любите другъ друга какъ братья? почему вы относитесь другъ къ другу скорѣе какъ враги?

Кто не любитъ брата своего,—проклятъ семь разъ, тотъ же, кто дѣлается врагомъ брата своего,—проклятъ семьдесятъ разъ семь.

Вотъ почему цари и князья и всѣ тѣ, кого міръ называетъ вельможами, были прокляты: они не любили братьевъ своихъ и относились къ нимъ какъ враги.

Любите другъ друга, и вамъ не будутъ страшны ни вельможи, ни князья, ни цари.

Они сильны надъ вами только потому, что вы разъединены, потому что вы не любите другъ друга какъ братья.

Не говорите: „Вотъ это—одинъ народъ, а я—другой народъ". Ибо всѣ народы на землѣ имѣли одного прародителя, это былъ Адамъ, и имѣютъ на небѣ одного отца, это Богъ.

Если отсѣчь одинъ членъ, страдаетъ все тѣло. Вы всѣ вмѣстѣ одно тѣло: нельзя притѣснить одного изъ васъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не были притѣснены всѣ.

Когда волкъ бросается на стадо, онъ не пожираетъ его цѣликомъ сразу: онъ хватаетъ одного барана и съѣдаетъ его. Потомъ, проголодавшись снова, онъ хватаетъ второго и съѣдаетъ, и такъ до послѣдняго, потому что ему снова и снова хочется ѣсть.

Не будьте какъ бараны, которые, когда волкъ унесетъ одного изъ нихъ, пугаются на мгновеніе, а затѣмъ продолжаютъ пастись. Ибо, думаютъ они, можетъ быть, онъ удовлетворится первой добычей или второй; и къ чему мнѣ безпокоиться о тѣхъ, которыхъ онъ пожираетъ? что мнѣ за бѣда отъ этого? мнѣ только больше травы останется.

Воистину, говорю вамъ: говорящіе такъ про себя, отмѣчены стать пищей звѣря, живущаго ихъ мясомъ и кровью.

V.

Когда вы видите человѣка, котораго ведутъ въ тюрьму или на казнь, не спѣшите говорить: „Это злой человѣкъ, совершившій преступленіе противъ людей“.

Ибо можетъ быть это человѣкъ добра, хотѣвшій служить людямъ, и наказанный за это угнетателями ихъ.

Когда вы видите народъ отягченный оковами и отданный палачамъ, не спѣшите говорить: „Этотъ народъ — насильникъ, онъ хотѣлъ нарушить міръ на землѣ“.

Ибо, можетъ быть, это народъ-мученикъ, умирающій ради спасенія рода человѣческаго.

Восемнадцать вѣковъ тому назадъ въ одномъ городѣ, на Востокѣ, первосвященники и цари того времени пригвоздили ко кресту послѣ бичеванія,—бунтовщика, богохульника, какъ они его называли.

День его смерти былъ днемъ великаго ужаса въ аду и великой радости въ небесахъ.

Ибо кровь праведника спасла міръ.

VI.

Почему животныя находятъ себѣ свою пищу, каждое по своей природѣ?

Потому, что ни одно изъ нихъ не похищаетъ

ницы другого, потому, что каждое довольствуется тѣмъ, сколько нужно ему.

Если бы въ ульѣ одна изъ пчелъ сказала: „Весь медъ здѣсь принадлежитъ мнѣ“, и стала бы распоряжаться какъ своимъ плодами общаго труда,—что сталось бы съ другими пчелами?

Земля подобна громадному улью, и люди на ней какъ пчелы.

Каждая пчела имѣетъ право на долю меда, необходимую для ея существованія, и если среди людей есть такіе, которымъ недостаетъ этого необходимаго, такъ это потому, что справедливость и милосердіе ушли отъ нихъ.

Справедливость—это жизнь; и милосердіе—это опять жизнь, наиболѣе благодатная и обильная жизнь.

Были лжепророки, которые убѣдили нѣкоторыхъ людей, что всѣ остальные люди созданы для нихъ; и какъ первые повѣрили этому, такъ и вторые также повѣрили слову лжепророковъ.

Когда слово лжи восторжествовало, ангелы на небѣ заплакали, ибо они предвидѣли, что много насилій, много преступленій, много бѣдъ свершится на землѣ.

Люди, равные между собою, созданы для единаго только Бога, и каждый говорящій противное—богохульствуетъ.

Да будетъ, хотящій быть великимъ межъ вами,

вашимъ слугою; хотящій быть первымъ межъ вами—слугою всѣхъ.

Законъ Бога—законъ любви, а любовь не стремится возвыситься надъ другими, но приноситъ себя въ жертву для другихъ.

Тотъ, кто говоритъ въ сердцѣ своемъ: „Я не такой какъ другіе люди,—другіе люди даны мнѣ, чтобы я властвовалъ надъ ними, чтобы я располагалъ ими и тѣмъ что имъ принадлежитъ по своему произволу,“—тотъ сынъ Дьявола.

И Дьяволъ — царь этого міра, ибо онъ царь всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ и дѣйствуетъ такъ; тѣ же, кто думаетъ и дѣйствуетъ такъ, стали, при помощи его совѣтовъ, господами міра.

Но ихъ царство—царство на время, и мы подошли къ концу этого времени.

Великая битва будетъ дана, и ангелъ справедливости и ангелъ любви будутъ сражаться на сторонѣ тѣхъ, которые вооружатся, чтобы возстановить среди людей царство справедливости и царство любви.

И многіе падутъ въ этой битвѣ, и ихъ имена останутся на землѣ какъ лучъ Божественной славы.

Вотъ почему вы, кто страдаетъ, мужайтесь, укрѣпитесь сердцемъ: ибо завтра будетъ днемъ испытанія, днемъ когда каждый долженъ будетъ съ радостью отдать свою жизнь за братьевъ своихъ; и день, который послѣдуетъ, будетъ днемъ освобожденія.

VII.

Когда дерево стоитъ одиноко, вѣтры бьютъ его и срываютъ съ него листья; и вѣтви его, вмѣсто того, чтобы подниматься къ небу, опускаются, какъ будто ищутъ землю.

Когда растеніе одиноко, то оно, не находя совсѣмъ защиты отъ знойнаго солнца, чахнетъ, сохнетъ и умираетъ.

Когда человѣкъ одинокъ, вѣтеръ власти склоняетъ его къ землѣ и пылъ алчности великихъ міра сего вытягиваетъ изъ него соки, питающіе его.

Не будьте одиноки какъ растеніе и дерево: но соединяйтесь другъ съ другомъ, помогайте и защищайте себя взаимно.

Пока вы будете разъединены, и каждый будетъ думать только о себѣ, вамъ нечего надѣяться на что-либо, кромѣ страданій, горя и угнетенія.

Есть ли кто слабѣе воробья и безоружнѣе ласточки? Однако, когда появляется хищная птица, ласточки и воробьи умѣютъ прогнать ее, собираясь вокругъ нея и всѣ вмѣстѣ преслѣдуя ее.

Берите примѣръ съ воробья и ласточки.

Кто отдѣлился отъ братьевъ своихъ, за тѣмъ слѣдуетъ страхъ въ пути его, садится возлѣ него, когда онъ отдыхаетъ, и не покидаетъ его даже во снѣ.

И если васъ спросятъ: „Сколько васъ?“ отвѣчайте: „Насъ—одинъ, ибо наши братья—это мы, и мы—это наши братья“.

Богъ не сотворилъ ни великихъ, ни малыхъ, ни господъ, ни рабовъ, ни царей, ни подданныхъ: онъ сотворилъ всѣхъ людей равными.

Но межъ людей нѣкоторые сильнѣе или тѣломъ, или умомъ, или волей, и эти-то и стараются подчинить себѣ другихъ, когда гордость или алчность заглушатъ въ нихъ любовь къ ихъ братьямъ.

И Богъ зналъ, что будетъ такъ, вотъ почему онъ и повелѣлъ людямъ любить другъ друга, чтобы они были въ единеніи, и чтобы слабые не подпадали подъ власть сильныхъ.

Ибо тотъ, кто сильнѣе одного, будетъ слабѣе двухъ, и тотъ, кто сильнѣе двухъ, будетъ слабѣе четырехъ; и такимъ образомъ слабые ничего не будутъ бояться, если, любя другъ друга, они будутъ въ истинномъ единеніи.

Нѣкій человѣкъ путешествовалъ въ горахъ, и онъ подошелъ къ одному мѣсту, гдѣ громадная скала, скатившись на дорогу, совершенно завалила ее, а кромѣ дороги не было другого выхода ни направо, ни налѣво.

И вотъ этотъ человѣкъ, видя, что онъ не можетъ продолжать пути изъ-за скалы, попробовалъ сдвинуть ее, чтобы сдѣлать себѣ проходъ; онъ сильно утомился за этой работой, но всѣ его усилія были тщетны.

Видя это, онъ сѣлъ полный горести и сказалъ: „Что будетъ со мной, когда настанетъ ночь и застигнетъ меня въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, безъ

пищи, безъ крова, безъ всякой защиты, въ тотъ часъ, когда дикіе звѣри выходятъ на добычу".

И пока онъ былъ погруженъ въ эти мысли, подошелъ другой путешественникъ; продѣлавъ то же, что сдѣлалъ первый и будучи также не въ силахъ сдвинуть скалы, онъ сѣлъ въ молчаніи и опустилъ голову.

И послѣ этого пришло нѣсколько другихъ, и ни одинъ не могъ сдвинуть скалы, и страхъ всѣхъ былъ великъ.

Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ другимъ:

„Братья мои, помолимся нашему Отцу, что на небесахъ; можетъ быть, онъ возымѣетъ состраданіе къ намъ въ нашемъ несчастіи".

И это слово было услышано, и они помолились отъ всего сердца Отцу, что на небесахъ.

И когда они помолились, тотъ, что сказалъ: „Помолимся", сказалъ еще: „Братья мои, то, что никто изъ насъ не могъ сдѣлать одинъ, кто знаетъ,— не сдѣлаемъ ли мы этого всѣ вмѣстѣ.

И они поднялись и всѣ вмѣстѣ начали толкать скалу, и скала подалась, и они продолжали свой путь съ миромъ.

Путникъ—это человѣкъ, путешествіе—это жизнь, скала—это несчастія, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются на пути.

Ни одинъ человѣкъ не могъ бы одинъ поднять скалы, но Богъ соразмѣрилъ ея тяжесть такимъ обра-

зомъ, что она никогда не остановитъ тѣхъ, кто путешествуютъ вмѣстѣ.

VIII.

Вначалѣ трудъ не былъ необходимымъ человѣку, чтобы жить: земля сама доставляла ему все необходимое.

Но человѣкъ сотворилъ зло; и подобно тому какъ онъ возмутился противъ Бога, земля возмутилась противъ него.

Съ нимъ случилось то же, что бываетъ съ ребенкомъ, когда онъ возстаетъ противъ отца своего: отецъ отнимаетъ у него свою любовь, и предоставляетъ его самому себѣ; и слуги дома отказываются служить ему, и онъ уходитъ, отыскивая себѣ тамъ и сямъ свое скудное пропитаніе, и ѣстъ хлѣбъ, который онъ добылъ въ потѣ лица своего.

И вотъ съ той поры Богъ осудилъ всѣхъ людей на работу, и у каждаго есть свой трудъ—будь то тѣломъ, будь умомъ: и тѣ, кто говорятъ: „Я не буду работать",—самые несчастные.

Ибо какъ черви, пожираютъ трупъ, ихъ пожираютъ пороки, а если не пороки, то тоска.

И когда Богъ захотѣлъ, чтобы человѣкъ работалъ, Онъ скрылъ въ работѣ кладъ, ибо Онъ отецъ, а любовь отца не умираетъ.

И для того, кто дѣлаетъ хорошее употребленіе изъ этого клада, а не разбрасываетъ его подобно безум-

ному,—для того настанетъ время отдыха, и тогда ему будетъ такъ, какъ было людямъ вначалѣ.

И Богъ далъ людямъ еще такую заповѣдь: „Помогайте другъ другу, ибо есть между вами болѣе сильные и болѣе слабые, больные и здоровые; а между тѣмъ, всѣ должны жить.

„И если вы будете дѣлать такъ, всѣ будутъ жить, ибо я вознагражу состраданіе, которое вы возымѣете къ братьямъ вашимъ, и я сдѣлаю вашъ трудъ плодотворнымъ“.

И то, что Богъ обѣщалъ, всегда сбывалось, и еще не случалось, чтобы человѣкъ, помогавшій братьямъ своимъ, нуждался въ хлѣбѣ.

Былъ нѣкогда человѣкъ злой и проклятый небомъ. И былъ этотъ человѣкъ силенъ, и ненавидѣлъ работу до того, что сказалъ себѣ: „Какъ мнѣ быть? Если я не буду работать, я умру, а работа для меня невыносима“.

Тогда адская мысль вошла въ его сердце. Онъ вышелъ ночью, схватилъ нѣсколькихъ изъ своихъ братьевъ во время ихъ сна, и надѣлъ на нихъ цѣпи.

„Ибо, сказалъ онъ,—я заставлю ихъ лозою и кнутомъ работать на меня и буду кормиться плодами ихъ труда“.

И онъ сдѣлалъ то, что замыслилъ, и другіе, видя это, сдѣлали также, и не стало болѣе братьевъ—были господа и рабы.

Это былъ день траура по всей землѣ.

Долгое время спустя, нашелся другой человѣкъ еще болѣе злой, чѣмъ первый, и болѣе проклятый небомъ.

Видя, что люди вездѣ умножились, и что громада ихъ была неисчислима, онъ сказалъ себѣ:

„Я, пожалуй, могъ бы заковать нѣсколькихъ изъ нихъ и заставить работать на меня; но ихъ нужно кормить, и это уменьшило бы мой барышъ. Сдѣлаемъ лучше,—пусть они работаютъ за ничто! Правда, они будутъ умирать, но такъ какъ число ихъ велико, я соберу богатства прежде, чѣмъ ихъ станетъ много меньше,—ихъ всегда останется достаточно“.

И вся эта громада жила на то, что она получала въ обмѣнъ за свой трудъ.

Сказавъ такъ, онъ обратился въ отдѣльности къ нѣкоторымъ, и сказалъ имъ:

„Вы работаете шесть часовъ и вамъ даютъ одну монету за вашу работу.

„Работайте двѣнадцать часовъ, и вы заработаете двѣ монеты; и вы будете жить лучше,—вы, ваши жены и ваши дѣти“.

И они повѣрили ему.

Затѣмъ онъ сказалъ имъ:

„Вы работаете только половину дней въ году: работайте всѣ дни въ году, и вашъ заработокъ удвоится.“

И они опять повѣрили ему.

И вотъ такимъ образомъ произошло, что количество работы увеличилось вдвое, тогда, какъ

нужда въ работѣ не увеличилась, и половина тѣхъ, которые прежде жили своей работой, не находили больше никого, кто бы ихъ нанялъ.

Тогда злой человѣкъ, которому они повѣрили, сказалъ имъ:

„Я вамъ дамъ работу всѣмъ, но съ условіемъ, что вы будете работать столько же времени, а я вамъ заплачу только половину того, что я вамъ платилъ; ибо я очень хотѣлъ бы оказать вамъ услугу, но я не хочу разорить себя.“

И такъ какъ они были голодны, они, ихъ жены и ихъ дѣти,—они приняли предложеніе злого человѣка и благословляли его: „Ибо, говорили они,— онъ намъ даетъ жизнь“.

И продолжая ихъ обманывать такимъ образомъ, злой человѣкъ все увеличивалъ ихъ работу и все уменьшалъ ихъ плату.

И они умирали отъ недостатка въ самомъ необходимомъ, и другіе спѣшили ихъ замѣщать, ибо нужда стала такъ велика въ странѣ, что цѣлыя семьи продавали себя за кусокъ хлѣба.

И злой человѣкъ, обманувшій братьевъ своихъ, собралъ больше богатствъ, чѣмъ злой человѣкъ, который заковалъ ихъ въ цѣпи.

Имя перваго—Тиранъ, у второго же нѣтъ имени, кромѣ какъ въ аду.

IX.

Вы въ этомъ мірѣ подобны странникамъ.

Подите на Сѣверъ и на Югъ, на Востокъ и на Западъ,—гдѣ бы вы ни остановились, найдется человѣкъ, который васъ оттуда прогонитъ, говоря: „Это поле принадлежитъ мнѣ“.

И обойдя всѣ страны, вы вернетесь зная, что нѣтъ нигдѣ даже маленькаго уголка земли, гдѣ бы ваша жена могла въ мукахъ родить своего первенца, гдѣ бы вы могли отдохнуть послѣ работы, гдѣ, когда вы окончите дни свои, ваши дѣти могли бы предать землѣ ваши кости, какъ на мѣстѣ принадлежащемъ вамъ

Это, воистину, великое несчастіе.

И, однако, вы не должны особенно сокрушаться ибо написано о Томъ, Кто спасъ родъ человѣческій:

У лисицы есть своя нора, у птицъ небесныхъ есть свои гнѣзда, Сыну же человѣческому негдѣ преклонить главу свою.

Видите,—онъ сталъ бѣденъ, чтобы научить васъ переносить бѣдность.

Но не потому, что бѣдность отъ Бога,—она есть слѣдствіе развращенности и дурныхъ страстей людей, и вотъ почему всегда будутъ бѣдные.

Бѣдность — дочь грѣха, сѣмя котораго есть въ каждомъ человѣкѣ, и дочь рабства, сѣмя котораго есть въ каждомъ обществѣ.

Всегда будутъ бѣдные, ибо человѣкъ никогда не убьетъ въ себѣ грѣха.

Всегда будетъ все меньше бѣдныхъ, потому что мало-по-малу рабство исчезнетъ изъ общества.

Хотите вы потрудиться на уничтоженіе бѣдности,— трудитесь на уничтоженіе грѣха, сначала въ себѣ, затѣмъ въ другихъ, а затѣмъ—рабства въ обществѣ.

Но не тѣмъ уничтожите бѣдность, что отнимете отъ другого то, что принадлежитъ ему; ибо какъ, создавая бѣдныхъ, уменьшить число бѣдныхъ?

Каждый имѣетъ право сохранить принадлежащее ему, безъ этого никто не имѣлъ бы ничего.

Но каждый имѣетъ право пріобрѣтать своимъ трудомъ, то, чего не имѣетъ,—безъ этого бѣдность была бы вѣчной.

Освободите же вашъ трудъ, освободите ваши руки, и бѣдность будетъ межъ людьми исключеніемъ, допущеннымъ Богомъ, чтобы напоминать имъ о бренности ихъ природы, о необходимости взаимной помощи и любви, которой они обязаны одинъ другому.

X.

Когда вся земля стонала въ ожиданіи освобожденія, раздался голосъ изъ Іудеи, голосъ Того, Кто пришелъ страдать и умереть за братьевъ своихъ и Кого нѣкоторые называли съ презрѣніемъ Сыномъ плотника.

Однако, Сынъ плотника, бѣдный и покинутый въ этомъ мірѣ, говорилъ:

„Пріидите ко мнѣ вы всѣ, задыхающіеся подъ бременемъ труда, и я воодушевлю васъ“.

И съ того времени до сего дня ни одинъ изъ тѣхъ, кто увѣровалъ въ него, не остался безъ утѣшенія въ своей горести.

Чтобы исцѣлить все зло, угнетающее людей, Онъ проповѣдывалъ всѣмъ справедливость, которая есть начало милосердія, и милосердіе, которое есть свершеніе справедливости.

Ибо справедливость заставляетъ уважать право другого, а милосердіе велитъ иногда поступиться своимъ правомъ ради мира или какого-либо иного блага.

Что сталось бы съ міромъ, если бы право перестало царить въ немъ, если бы никто не былъ въ безопасности относительно себя и не пользовался безъ опасенія принадлежащимъ ему.

Лучше было бы жить въ чащахъ лѣсовъ, чѣмъ въ обществѣ такъ предоставленномъ разбою.

То, что ты отнимешь сегодня, другой отниметъ у тебя завтра. Люди будутъ несчастнѣе птицъ небесныхъ, у которыхъ другія птицы не отнимаютъ ни ихъ пищи, ни гнѣзда.

Что такое — бѣдный? Это тотъ, у кого нѣтъ еще собственности.

Чего онъ хочетъ? Перестать быть — бѣднымъ, — т. е. пріобрѣсти собственность.

Тотъ же, кто грабитъ, кто крадетъ, что дѣлаетъ

онъ, какъ не уничтожаетъ у себя самое право собственности?

Грабить, красть — это значитъ затрогивать одинаково какъ бѣднаго, такъ и богатаго; это значитъ опрокидывать основы всякаго общенія между людьми.

Тотъ, кто ничѣмъ не владѣетъ, получитъ что-либо только потому, что у другихъ уже есть что-нибудь; ибо только они одни могутъ ему дать что-либо въ обмѣнъ за его трудъ.

Порядокъ—благо, выгода всѣхъ.

Не пейте изъ чаши преступленія: на днѣ ея горечь несчастія, и тоска, и смерть.

XI.

И я увидѣлъ все зло творящееся на землѣ: слабый угнетенъ, праведный вымаливаетъ кусокъ хлѣба, злой взысканъ почестями и купается въ богатствѣ, невинный осужденъ неправедными судьями, и дѣти его блуждаютъ подъ открытомъ небомъ.

И душа моя опечалилась, и надежда вытекала изъ нея, какъ изъ разбитой чаши.

И Богъ послалъ мнѣ глубокій сонъ.

И во снѣ моемъ я увидѣлъ какъ бы сіяющій образъ, стоящій предо мной,—Духа, взглядъ котораго спокойный и пытливый проникалъ въ глубину моихъ самыхъ тайныхъ мыслей.

И я содрогнулся, но не отъ страха и не отъ радости, а отъ какого-то невыразимаго чувства, соединявшаго въ себѣ и страхъ и радость.

И Духъ сказалъ мнѣ: „Отчего ты печалишься?“

И я отвѣчалъ съ рыданіемъ: „О, взгляни на все зло на землѣ“.

И небесный образъ озарился невыразимой улыбкой, и такое слово дошло до ушей моихъ:

„Твое око видитъ только сквозь обманчивую среду, которую земныя существа называютъ временемъ. Время существуетъ только для тебя: нѣтъ времени для Бога“.

И я молчалъ, ибо не уразумѣлъ.

Вдругъ Духъ сказалъ: „Смотри“.

И я, чего со мной никогда не случалось ни раньше ни потомъ,— въ одно и то же мгновеніе я увидѣлъ то, что люди называютъ на своемъ слабомъ и несовершенномъ языкѣ—прошедшее, настоящее, будущее.

И все это было—одно, и однако для того, чтобы разсказать то, что я увидѣлъ, я долженъ обратиться къ понятію о времени, я долженъ говорить на слабомъ и несовершенномъ человѣческомъ языкѣ.

И весь родъ человѣческій казался мнѣ однимъ человѣкомъ.

И этотъ человѣкъ сдѣлалъ много зла, мало добра, испыталъ много горя, мало радости.

И вотъ, онъ былъ тамъ, въ своемъ убожествѣ, на землѣ то замерзшей, то раскаленной, — тощій, голодный, страдающій, изнемогающій отъ слабости смѣняющейся судорогой, обремененный цѣпями, скованными въ жилищѣ демоновъ.

Его правая рука обвила цѣпями лѣвую, а лѣвая обвила ими правую, и во власти злыхъ видѣній онъ такъ запутался въ оковахъ, что все его тѣло было покрыто и сжато ими.

Ибо, лишь только онѣ чуть касались его, онѣ прилипали къ его кожѣ подобно кипящему свинцу; онѣ впивались въ его мясо и болѣе не отпадали.

И это былъ человѣкъ,—я узналъ его.

И вотъ лучъ свѣта появился съ Востока, лучъ любви съ Юга и лучъ силы съ Сѣвера.

И эти три луча соединились въ сердцѣ этого человѣка.

И когда появился лучъ свѣта, какой-то голосъ сказалъ: „Сынъ Божій, братъ Христа, знай, что ты долженъ знать“.

И когда появился лучъ любви, голосъ сказалъ: „Сынъ Божій, братъ Христа, люби, что ты долженъ любить“.

И когда появился лучъ силы, голосъ сказалъ: „Сынъ Божій, братъ Христа, дѣлай, что ты долженъ дѣлать“.

И когда три луча соединились, три голоса соединились также, и образовался одинъ голосъ, который сказалъ:

„Сынъ Божій, братъ Христа, служи Богу и только ему одному“.

И тогда то, что мнѣ казалось до сего времени только однимъ человѣкомъ, явилось мнѣ, какъ множество народовъ и націй.

И мое первое видѣніе не обмануло меня, и второе меня тоже не обмануло.

И эти народы и эти націи, поднимаясь съ ложа своихъ страданій, такъ начали себѣ говорить:

„Откуда наши страданія и наше томленіе, и голодъ и жажда, которые насъ мучатъ, и цѣпи, которыя насъ пригибаютъ къ землѣ и впиваются въ наше мясо?..“

И умъ ихъ прояснился, и они поняли, что сыны Божіи, братья Христа, не были осуждены ихъ Отцомъ на рабство, и что рабство было источникомъ всѣхъ ихъ бѣдствій.

Каждый изъ нихъ, попробовалъ порвать свои оковы, но ни одному это не удалось.

И они посмотрѣли другъ на друга съ великою жалостью, и такъ какъ любовь горѣла въ нихъ, они сказали: „У всѣхъ насъ одна и та же мысль,— развѣ не одно и то же сердце у насъ? Развѣ не всѣ мы дѣти того же Отца, и братья того же Христа? Спасемся или умремъ вмѣстѣ“.

И сказавъ это, они почувствовали въ себѣ божественную силу, и я услышалъ, какъ треснули ихъ цѣпи, и они шесть дней сражались противъ тѣхъ, кто заковалъ ихъ, и на седьмой день они были побѣдителями, и седьмой день былъ днемъ отдыха.

И земля, бывшая сухой, зазеленѣла, и всѣ могли питаться ея плодами, и уходить и приходить, и никто не говорилъ имъ: „Куда идете? Здѣсь нельзя пройти“.

И маленькія дѣти собирали цвѣты и приносили своимъ матерямъ, и тѣ нѣжно улыбались имъ.

И не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но всѣ имѣли въ изобиліи то, въ чемъ нуждались, ибо всѣ любили другъ друга и помогали другъ другу, какъ братья.

И голосъ, подобный голосу ангела, раздался въ небесахъ: „Слава Богу, который далъ своимъ дѣтямъ разумѣніе, любовь и силу! Слава Христу, который вернулъ своимъ братьямъ свободу!“.

XII.

Когда одинъ изъ васъ терпитъ несправедливость, когда на его пути по свѣту, притѣснитель опрокидываетъ его и наступаетъ на него; если онъ жалуется, никто не услышитъ его.

Жалоба бѣдняка доходитъ до Бога, но не достигаетъ ушей человѣка.

И я спросилъ себя: „Откуда это зло? Неужели Тотъ, Кто сотворилъ и бѣднаго и богатаго, и слабаго и мужественнаго, захотѣлъ отнять у однихъ весь страхъ за ихъ беззаконія, у другихъ всю надежду въ ихъ бѣдствіяхъ?“

И я увидѣлъ, что эта мысль была ужасна,—богохульство передъ Богомъ.

Потому что каждый изъ васъ любитъ только себя, потому что онъ отдаляется отъ братьевъ своихъ, потому что онъ одинъ и хочетъ оставаться одинъ,—его жалоба не можетъ быть услышана.

Весною, когда все оживаетъ, изъ травы поднимается шумъ, подобный длительному журчанію.

Этотъ шумъ, сложенный изъ столькихъ шумовъ, что ихъ невозможно сосчитать, есть голосъ безчисленнаго количества жалкихъ, маленькихъ незамѣтныхъ созданій.

Каждое изъ нихъ въ отдѣльности не было бы услышано: всѣ вмѣстѣ онѣ заставляютъ услышать себя.

Вы также скрыты въ травѣ, почему оттуда не слышно ни одного голоса?

Когда хотятъ перейти черезъ быструю рѣку, становятся длинной вереницей въ два ряда, и тѣ, которые въ одиночку не были въ состояніи сопротивляться силѣ воды, соединившись такимъ образомъ, безъ труда одолѣваютъ ее.

Дѣлайте такъ, и вы разобьете теченіе беззаконія, которое уноситъ васъ пока вы одни и выбрасываетъ васъ разбитыми на берегъ.

Пусть будутъ ваши рѣшенія медленны но тверды. Не поддавайтесь ни первому ни второму порыву.

Но если по отношенію къ вамъ совершена несправедливость, прежде всего изгоните всякое чувство ненависти изъ своего сердца, потомъ воздѣвъ руки и глаза къ небу, скажите вашему Отцу, который на небесахъ:

„О, Отецъ, Ты защитникъ невиннаго и угнетеннаго, ибо Твоя любовь сотворила міръ и Твоя справедливость имъ управляетъ.

„Ты хочешь, чтобы она правила на землѣ, но злой противополагаетъ ей свою злую волю.

„Вотъ почему мы рѣшили сразить злого.

„О, Отецъ! Дай разумѣніе уму нашему и силу рукамъ нашимъ".

И послѣ этой молитвы, отъ глубины вашей души, сразитесь и не бойтесь ничего.

Если вамъ сначала покажется, что побѣда уходитъ отъ васъ, — это только испытаніе; она вернется къ вамъ, ибо ваша кровь будетъ какъ кровь Авеля, зарѣзаннаго Каиномъ, и ваша смерть будетъ смертью мученической.

XIII.

Это было мрачною ночью: беззвѣздное небо налегло на землю, какъ плита чернаго мрамора на могилѣ.

И ничто не тревожило молчанія этой ночи, кромѣ страннаго шума, подобнаго слабому взмаху крыльевъ, который слышался время отъ времени надъ селами и городами.

И тогда мракъ сгущался, и душа каждаго сжималась и по жиламъ пробѣгалъ трепетъ.

И въ одномъ покоѣ, обтянутомъ чернымъ сукномъ и освѣщенномъ красноватымъ свѣтомъ, сидѣли, на семи желѣзныхъ сѣдалищахъ, семь человѣкъ, одѣтыхъ въ пурпуръ, съ коронами на головахъ.

Посреди покоя возвышался тронъ, сооруженный изъ костей, и у подножья его въ видѣ скамьи

лежало поверженное распятіе; передъ трономъ стоялъ столъ чернаго дерева, а на столѣ стояла чаша, полная красной пѣнящейся крови и лежалъ человѣческій черепъ.

И эти семь человѣкъ съ коронами на головахъ казались задумчивыми и печальными, и изъ глубины впавшихъ глазницъ время отъ времени ихъ глаза сверкали лучами багрового огня.

И одинъ изъ нихъ поднялся, шатаясь подошолъ къ трону и наступилъ ногой на распятіе.

И въ этотъ мигъ онъ весь задрожалъ, и казалось, что онъ сейчасъ упадетъ. Остальные, неподвижные смотрѣли; они не сдѣлали ни малѣйшаго движенія; но я не знаю что пробѣжало по ихъ челу, и нечеловѣческая улыбка скривила ихъ губы.

И тотъ, который, казалось, сейчасъ упадетъ, протянулъ руку, схватилъ чашу, наполненную кровью, налилъ въ черепъ и выпилъ.

И этотъ напитокъ, казалось, подкрѣпилъ его.

И онъ поднялъ голову, изъ груди его вырвался глухо и хрипло крикъ:

„Будь проклятъ Христосъ, который принесъ на землю Свободу!“

И шестеро остальныхъ съ коронами на головахъ поднялись всѣ разомъ и всѣ разомъ испустили тотъ же крикъ:

„Будь проклятъ Христосъ, который принесъ на землю Свободу!“

Послѣ того, какъ они сѣли на свои сѣдалища изъ желѣза, первый сказалъ:

„Братья мои, что намъ дѣлать, чтобы задавить Свободу? Ибо наше царство кончается, тамъ гдѣ начинается ея царство. Это наше общее дѣло: пусть каждый предлагаетъ то, что ему кажется лучшимъ.

„Вотъ совѣтъ, который я могу дать. До появленія Христа, кто могъ выстоять противъ насъ? Это его ученіе погубило насъ: уничтожимъ ученіе Христа“.

И всѣ отвѣтили: „Это правда. Уничтожимъ ученіе Христа“.

И второй приблизился къ трону, взялъ человѣческій черепъ, налилъ въ него крови, выпилъ и сказалъ:

„Не одно только ученіе Христа нужно уничтожить, но также науку и мысль; ибо наука хочетъ знать то, что нехорошо для насъ, чтобы люди знали; а мысль всегда готова возстать противъ силы“.

И всѣ отвѣтили: „Это правда. Уничтожимъ науку и мысль“.

И, сдѣлавъ то, что сдѣлали двое первыхъ, третій сказалъ:

„Когда мы, отнявъ у людей и религію, и науку, и мысль, превратимъ ихъ снова въ скотовъ, мы сдѣлаемъ много, но намъ останется сдѣлать еще кое-что.

„У скотовъ есть инстинкты и опасныя склонности Надо, чтобы ни одинъ народъ не слышалъ голоса

другого народа, изъ страха, чтобы первый не жаловался и не волновался, а другой не соблазнился подражать ему. Пусть ни одинъ звукъ извнѣ не проникаетъ къ намъ".

И всѣ отвѣтили: Это правда. Пусть ни одинъ звукъ извнѣ не проникаетъ къ намъ".

И четвертый сказалъ:

„У насъ—свои интересы, и у народовъ также свои интересы, противуположные нашимъ. Если они соединятся для защиты своихъ интересовъ противъ насъ, какъ мы будемъ имъ сопротивляться?"

„Разъединимъ, чтобы царствовать. Создадимъ въ каждой области, въ каждомъ городѣ, въ каждой хижинѣ интересы противуположные таковымъ въ другихъ хижинахъ, другихъ городахъ и другихъ областяхъ.

„При такомъ образѣ дѣйствій всѣ возненавидятъ другъ друга и имъ не придетъ въ голову соединиться противъ насъ".

И всѣ отвѣтили: „Это правда. Разъединимъ, чтобы царствовать: единеніе убьетъ насъ".

И пятый, наполнивъ дважды человѣческій черепъ кровью и дважды осушивъ его, сказалъ:

„Я одобряю всѣ эти средства; они хороши, но они недостаточны. Сдѣлайте людей скотами—это хорошо; но устраните этихъ скотовъ, поразите ихъ ужасомъ неумолимаго правосудія, жестокихъ казней, если вы не хотите рано или поздно быть ими пожраны. Палачъ—первый министръ добраго государя".

И всѣ отвѣтили: „Это правда. Палачъ — первый министръ добраго государя“.

И шестой сказалъ:

„Я признаю преимущества казней скорыхъ, ужасающихъ, неизбѣжныхъ. Однако, есть души сильныя и души отчаявшіяся, которыя презрятъ казни.

„Если вы хотите спокойно и легко управлять людьми, разслабьте ихъ похотью. Добродѣтель не пригодна намъ; она воспитываетъ силу: изведемъ ее растлѣніемъ“.

И всѣ отвѣтили: „Это правда. Истощимъ силу, мощь и смѣлость растлѣніемъ“.

Затѣмъ седьмой, осушивъ подобно всѣмъ прочимъ человѣческій черепъ, сказалъ слѣдующее, наступивъ на распятіе:

„Долой Христа: война на жизнь и смерть, война вѣчная между нимъ и нами.

„Но какъ отторгнуть отъ него народы? Это тщетная попытка. Что же дѣлать? Выслушайте меня: нужно намъ переманить къ себѣ служителей Христа богатствомъ, почестями и могуществомъ.

„И они прикажутъ народу отъ имени Христа подчиняться намъ во всемъ, что бы мы ни дѣлали, что бы мы ни приказали.

„И народъ повѣритъ имъ и будетъ повиноваться намъ изъ убѣжденія, и власть наша укрѣпится какъ никогда раньше“.

И всѣ отвѣтили: „Это правда. Переманимъ къ себѣ служителей Христа“.

И вдругъ лампа, которая освѣщала покой, погасла, и всѣ семь человѣкъ разошлись въ потемкахъ.

И было сказано одному праведнику, который въ это время бодрствовалъ и молился передъ Крестомъ: «Мой день приближается. Молись и не бойся.»

XIV.

И сквозь туманъ, сѣрый и тяжелый, я увидѣлъ, какъ видишь на землѣ въ часъ сумерекъ, равнину голую, пустынную и холодную.

Посреди нея возвышалась скала, изъ которой капля за каплей падала черноватая вода, и слабый и глухой шумъ падающихъ капель былъ единственнымъ слышнымъ звукомъ.

И семь тропинокъ, змѣясь по равнинѣ, оканчивались у скалы, и у скалы въ концѣ каждой тропинки лежалъ камень, покрытый чѣмъ-то, мнѣ невѣдомымъ,—влажнымъ и зеленымъ, похожимъ на слюну пресмыкающагося.

И вотъ, на одной изъ тропинокъ я замѣтилъ какъ бы тѣнь, которая медленно подвигалась, и мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія тѣни, я началъ различать—но не человѣка, а нѣкоторое подобіе его.

И на мѣстѣ сердца это подобіе человѣка имѣло кровавое пятно.

И оно сѣло на влажный, зеленый камень; члены его дрожали, оно опустило голову и охватило себя

руками, какъ будто желало удержать въ себѣ остатки тепла.

И по шести остальнымъ тропинкамъ шесть другихъ тѣней, одна за другой, подошли къ подножію скалы.

И каждая изъ нихъ, дрожа и сжимая себя руками, сѣла на влажный, зеленый камень.

И такъ онѣ сидѣли тамъ молчаливыя и согбенныя подъ гнетомъ какой-то непостижимой тоски.

И молчаніе ихъ длилось долго, сколько времени. —я не знаю, ибо никогда не подымается солнце надъ этой равниной: тамъ не извѣстны ни вечеръ, ни утро. Однѣ только капли черноватой воды паденіемъ своимъ измѣряютъ длительность—монотонную, мрачную, тяжелую, вѣчную.

И видъ этотъ былъ такъ ужасенъ, что, если бы Богъ не подкрѣпилъ меня, я бы не выдержалъ этого.

И вдругъ одна изъ тѣней, конвульсивно содрогнувшись, подняла голову и издала звукъ хриплый и рѣзкій, будто вѣтеръ прошумѣвшій въ костяхъ скелета.

И скала отразила до моихъ ушей слѣдующія слова:

„Христосъ побѣдилъ: будь онъ проклятъ!“

И шесть остальныхъ тѣней содрогнулись, всѣ разомъ подняли головы, и вырвалось то же богохульство:

„Христосъ побѣдилъ: будь онъ проклятъ!“

И сразу послѣ этого онѣ задрожали еще сильнѣе; туманъ сгустился, и на одинъ мигъ черноватая вода перестала течь.

И снова семь тѣней согнулись подъ гнетомъ ихъ невѣдомой тоски, и снова наступило молчаніе на этотъ разъ болѣе продолжительное.

Затѣмъ одна изъ нихъ, не поднимаясь съ камня, неподвижная и согбенная, сказала другимъ:

„Итакъ, съ вами случилось то же, что и со мной. На что пригодились намъ всѣ наши рѣшенія?“

И другая тѣнь отвѣтила: „Вѣра и мысль разбили оковы народовъ; вѣра и мысль освободили землю“.

И еще одна сказала: „Мы хотѣли разъединить людей, и гнетъ нашъ соединилъ ихъ противъ насъ“.

И еще одна сказала: „Мы пролили кровь, и эта кровь пала на наши головы“.

И еще одна сказала: „Мы посѣяли среди нихъ растлѣніе, но оно пустило ростки въ насъ и пожрало наши кости“.

И еще одна: „Мы хотѣли задушить Свободу, а ея дыханіе изсушило нашу власть до корня“.

Затѣмъ седьмая тѣнь сказала:

„Христосъ побѣдилъ: будь онъ проклятъ!“

И всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили:

„Христосъ побѣдилъ: будь онъ проклятъ!“

И я увидѣлъ приближавшуюся руку: она омочила палецъ въ черноватой водѣ, капли которой паденіемъ измѣряли вѣчную длительность, и отмѣтила ею чело семи тѣней, и это было навѣки.

XV.

Вамъ дано провести на землѣ только одинъ день; устройте такъ, чтобы провести его въ мирѣ.

Миръ—плодъ любви; ибо, чтобы жить въ мирѣ, надо умѣть перенести многое.

Нѣтъ человѣка совершеннаго, у всякаго свои недостатки; каждый человѣкъ ложится бременемъ на другихъ, и только одна любовь дѣлаетъ это бремя легкимъ.

Если вы не можете выносить братьевъ вашихъ, какъ же они вынесутъ васъ.?

Написано о Сынѣ Маріи: „Какъ Онъ любилъ своихъ, которые были въ мірѣ,—онъ любилъ ихъ до конца“.

Любите же братьевъ вашихъ, которые въ мірѣ, и любите ихъ до конца.

Любовь неутомима,—она никогда не устаетъ. Любовь неисчерпаема;—она живетъ и возрождается сама по себѣ, и чѣмъ больше она изливается, тѣмъ она изобильнѣе.

Кто любитъ себя больше, чѣмъ брата своего, тотъ недостоинъ Христа, умершаго за братьевъ своихъ. Если вы отдали ваши богатства, отдайте еще вашу жизнь, и любовь вамъ возвратитъ все.

Воистину говорю вамъ: сердце того, кто любитъ,—рай на землѣ. Онъ имѣетъ въ себѣ Бога, ибо Богъ —любовь.

Человѣкъ порочный не любитъ, онъ только за-

видуетъ: онъ алчетъ и жаждетъ всего; его глазъ, подобный глазу змѣи, очаровываетъ и привлекаетъ, но для того, чтобы пожрать.

Любовь покоится въ глубинѣ чистыхъ душъ, подобно каплѣ росы въ чашечкѣ цвѣтка.

О, если бы вы знали, что значитъ—любить!

Вы говорите, что любите, а у многихъ изъ вашихъ братьевъ нѣтъ хлѣба, чтобы поддержать жизнь, нѣтъ одежды, чтобы прикрыть наготу, нѣтъ крова, гдѣ укрыться, нѣтъ охапки соломы, на которой спать, тогда какъ у васъ все въ изобиліи.

Вы говорите, что любите,—а всѣ эти больные, которые томятся, не получая помощи, на своемъ жалкомъ ложѣ, а эти несчастные, которые плачутъ, и никто не плачетъ съ ними, а маленькія дѣти, которыя ходятъ, окоченѣвшія отъ холода, отъ двери къ двери и просятъ у богатыхъ крохъ со стола, и ничего не получаютъ.

Вы говорите, что любите вашихъ братьевъ; что же бы вы дѣлали, если бы вы ихъ ненавидѣли?

А я,—я вамъ говорю: всякій, кто можетъ, но не утѣшитъ своего страдающаго брата,—врагъ брата своего; и всякій, кто можетъ накормить, и не накормитъ своего голоднаго брата,—убійца его.

XVI.

Есть люди, которые не любятъ Бога и не боятся его; бѣгите отъ нихъ, ибо они дышатъ проклятіемъ.

Бѣгите нечестиваго, ибо дыханіе его убиваетъ; но не ненавидьте его, ибо, кто знаетъ, можетъ быть Богъ уже измѣнилъ сердце его?

Человѣкъ, который говоритъ даже съ полнымъ убѣжденіемъ: „Я не вѣрю“, часто обманываетъ самъ себя. Глубоко въ душѣ заложенъ зачатокъ вѣры, который никогда не высыхаетъ.

Слово, отрицающее Бога, жжетъ тѣ губы, черезъ которыя выходитъ, а ротъ, который открывается для богохуленія, есть отдушина ада.

Нечестивецъ одинокъ въ мірѣ. Всѣ созданія воздаютъ хвалу Богу, все, что чувствуетъ, благословляетъ Его; все, что мыслитъ, чтитъ Его: свѣтило дня и свѣтило ночи поютъ Его на ихъ таинственномъ языкѣ.

На небесной тверди начертано имя Его, трижды святое.

Слава въ Вышнихъ Богу.

Онъ начерталъ его также въ сердцѣ человѣка, и добрый человѣкъ хранитъ его тамъ съ любовью; но иные пытаются стереть его.

На землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Сонъ ихъ сладостенъ, а смерть ихъ еще сладостнѣе, ибо знаютъ они, что возвращаются къ своему отцу.

Какъ бѣдный земледѣлецъ, на склонѣ дня покидая поля, возвращается въ свою хижину и, сидя на порогѣ, забываетъ свою усталость, глядя на небо, такъ и человѣкъ надежды, когда наступаетъ ве-

черъ его жизни, съ радостью возвращается въ отчій домъ и сидя на порогѣ забываетъ тягости изгнанія въ созерцаніи вѣчности.

XVII.

Два человѣка были сосѣдями, и у каждаго была жена и маленькія дѣти, и каждый кормился только своимъ трудомъ.

И одинъ изъ этихъ двухъ людей постоянно безпокоился въ душѣ, говоря: „Если я умру или заболѣю, что будетъ съ моею женой и моими дѣтьми?“

И эта мысль не покидала его и точила его сердце, какъ червь точитъ плодъ, въ которомъ онъ скрывается.

И вотъ та же самая мысль явилась и у другого отца, но онъ не остановился на ней: «Ибо, сказалъ онъ,—Богъ, который знаетъ всѣ свои созданія и заботится о нихъ, позаботится также и обо мнѣ, моей женѣ и моихъ дѣтяхъ».

И этотъ жилъ спокойно, между тѣмъ какъ первый не имѣлъ болѣе въ душѣ ни покоя, ни радости.

Однажды, когда онъ работалъ на полѣ, печальный и удрученный вслѣдствіе своего страха, онъ увидѣлъ, какъ нѣсколько птичекъ влетѣли въ кустъ, вылетѣли оттуда и вскорѣ снова вернулись.

И приблизившись онъ увидѣлъ два гнѣзда и въ каждомъ гнѣздѣ нѣсколько птенчиковъ, недавно высиженныхъ и еще не успѣвшихъ опериться.

Возвратясь къ своей работѣ, онъ время отъ времени поднималъ глаза и наблюдалъ этихъ птицъ, которыя улетали и прилетали, принося кормъ своимъ птенчикамъ.

И вотъ, въ то время, какъ одна изъ матерей возвращалась со своей ношей въ клювѣ, ее схватилъ ястребъ и унесъ, и несчастная мать тщетно билась въ его когтяхъ, испуская пронзительные крики.

При видѣ этого, человѣкъ, который работалъ, почувствовалъ, что его душа пришла въ еще большее смятеніе, чѣмъ прежде; „ибо, подумалъ онъ, смерть матери — это смерть дѣтей. У моихъ дѣтей нѣтъ никого, кромѣ меня. Что станется съ ними, когда меня не будетъ?“

И весь этотъ день онъ былъ сумраченъ и печаленъ и не спалъ всю ночь.

На слѣдующій день, возвратясь на поле, онъ сказалъ: «Я хочу взглянуть на птенчиковъ этой несчастной матери: нѣкоторые изъ нихъ безъ сомнѣнія уже погибли». И онъ подошелъ къ кусту.

Заглянувъ туда, онъ увидѣлъ, что всѣ птенчики здоровы; ни одинъ, казалось, не пострадалъ.

Будучи удивленъ этимъ, онъ спрятался, чтобы посмотрѣть, что тутъ происходитъ.

Немного времени спустя, онъ услышалъ слабый крикъ и увидѣлъ вторую мать торопливо летящую съ кормомъ, который она собрала, и она подѣлила его между всѣми птенчиками безъ разбора, и его

хватило на всѣхъ, и сироты вовсѣ не были покинутыми въ ихъ несчастіи.

И отецъ, который усомнился въ благости Провидѣнія, разсказалъ вечеромъ другому отцу то, что видѣлъ.

И этотъ сказалъ: «Зачѣмъ безпокоиться? Никогда Богъ не оставляетъ своихъ дѣтей. Его любовь имѣетъ тайны неизвѣстныя намъ. Будемъ вѣрить, надѣяться и любить и съ миромъ продолжать нашъ путь.

«Если я умру раньше тебя, ты будешь отцомъ моихъ дѣтей; если ты умрешь раньше меня, я буду отцомъ твоихъ.

Если же мы оба умремъ прежде, чѣмъ наши дѣти подрастутъ настолько, чтобы самимъ заботиться о своихъ нуждахъ, то имъ будетъ отцомъ Отецъ нашъ небесный».

XVIII.

Послѣ молитвы не чувствуете ли вы ваше сердце болѣе облегченнымъ и вашу душу болѣе удовлетворенной?

Молитва дѣлаетъ горе менѣе мучительнымъ и радость болѣе чистой: она придаетъ горю, что-то укрѣпляющее и сладостное, а радости—небесное благоуханіе.

Что дѣлаете вы на землѣ, и развѣ вамъ нечего просить у Того, кто послалъ васъ на землю?

Вы—странники ищущіе родину. Не идите съ головою опущенной долу: нужно поднять глаза, чтобы узнать свой путь.

Ваша родина—небо; и когда вы смотрите на небо, развѣ ничто не волнуетъ васъ? развѣ никакое желаніе не влечетъ васъ? или это желаніе невыразимо?

Есть люди, говорящіе: «Къ чему молиться? Богъ слишкомъ высокъ надъ нами, чтобы внять такимъ жалкимъ созданіямъ.»

Но кто же сотворилъ эти жалкія созданія, кто далъ имъ чувство, мысль и слово, если не Богъ?

И если Онъ былъ такъ добръ къ нимъ, то развѣ для того, чтобы затѣмъ покинуть ихъ и оттолкнуть отъ себя?

Воистину говорю вамъ,—каждый кто говоритъ въ сердцѣ своемъ, что Богъ презираетъ свои творенія, —богохульствуетъ.

Есть еще другіе, которые говорятъ: „Къ чему молиться? Богъ не лучше ли насъ знаетъ, въ чемъ мы нуждаемся?“

Богъ знаетъ лучше васъ, въ чемъ вы нуждаетесь, поэтому онъ и хочетъ, чтобы вы просили его объ этомъ; ибо прежде всего вы нуждаетесь въ Богѣ самомъ, и молиться Богу—значитъ начать обладать имъ.

Отецъ знаетъ нужды сына своего; слѣдуетъ ли изъ этого, что у сына никогда не должно быть словъ просьбы и изъявленій благодарности къ своему отцу?

Когда животныя страдаютъ, или боятся, или голодны, они испускаютъ жалобный крикъ. Этотъ крикъ—ихъ молитва къ Богу, и Богъ слышитъ ее.

Неужели же человѣкъ будетъ единственнымъ созданіемъ, голосъ котораго не долженъ никогда возноситься до ушей Творца?

Иногда по полямъ проносится вѣтеръ, который изсушаетъ растенія, и тогда ихъ увядшіе стебли склоняются къ землѣ; но увлаженныя росою, они возвращаютъ свою свѣжесть и поднимаютъ свои увядшія головки.

Всегда есть палящіе вѣтры, которые проносятся въ душѣ человѣка и изсушаютъ ее. Молитва — роса, освѣжающая ее.

XIX.

У васъ только одинъ отецъ—Богъ, и одинъ государь—Христосъ.

Когда вамъ скажутъ о тѣхъ, кто обладаетъ на землѣ большимъ могуществомъ: „Вотъ ваши государи",—не вѣрьте этому. Если они справедливы,—они ваши слуги; если они несправедливы,—они тираны.

Всѣ родятся равными: никто, появляясь на свѣтъ, не приноситъ съ собой права господствовать.

Я видѣлъ въ колыбели плачущаго, слюняваго ребенка; вокругъ него толпились старцы, называли его „государь", становились на колѣни и оказы-

вали ему знаки почтенія. И я понялъ все ничтожество человѣка.

Это грѣхъ породилъ князей; потому что люди, вмѣсто того, чтобы помогать и любить другъ друга какъ братья, начали вредить другъ другу.

Тогда люди избрали изъ своей среды одного или нѣсколькихъ, которыхъ они считали болѣе справедливыми, для того, чтобы они защищали добрыхъ людей отъ злыхъ, для того, чтобы слабый могъ жить въ мірѣ.

И власть, которой они пользовались, была законной властью, ибо это была власть отъ Бога, кототорый хочетъ царства справедливости, и власть отъ народа, который ихъ избралъ.

И вотъ почему каждый по убѣжденію повиновался имъ.

Но вскорѣ нашлись такіе, которые захотѣли править самовластно, какъ будто они были болѣе высокой породы, чѣмъ ихъ братья.

Но власть такихъ незаконна, ибо это власть—отъ Дьявола, и желаніе господствовать—отъ гордости и алчности.

И вотъ почему, когда нѣтъ основанія бояться, что отъ этого произойдетъ большее зло, каждый можетъ и иногда долженъ сознательно противодѣйствовать этимъ властямъ.

На вѣсахъ вѣчнаго права ваша воля перетянетъ волю царей, ибо народы дѣлаютъ царей; и цари—для народовъ, а не народы для царей.

Отецъ небесный создалъ члены своихъ дѣтей совсѣмъ не для того, чтобы ихъ ломали оковами, и далъ имъ душу не для того, чтобы ее убивали рабствомъ.

Онъ соединилъ дѣтей своихъ въ семейства, и всѣ семейства родственны между собой; онъ соединилъ семейства въ націи, и всѣ націи родственны между собой; и каждый, кто разъединяетъ семейства отъ семействъ, и націи отъ націй, разъединяетъ то что соединилъ Богъ: онъ дѣлаетъ дѣло Дьявола.

И все то, что соединяетъ семейства съ семействами и націи съ націями, есть прежде всего законъ Бога, законъ справедливости и милосердія, и наконецъ, законъ свободы, которая есть также законъ Бога.

Ибо какое единеніе могло бы быть межъ людей безъ свободы? Единеніе лошади со всадникомъ сидящимъ на ней, единеніе кнута господина со шкурой раба.

И если кто придетъ и скажетъ: „Вы принадлежите мнѣ“, отвѣчайте: „Нѣтъ мы принадлежимъ Богу,—онъ нашъ отецъ, и Христу, — онъ нашъ единственный государь“.

XX.

Не позволяйте обманывать себя пустословіемъ. Нѣкоторые попытаются убѣдить васъ въ томъ, что вы дѣйствительно свободны потому, что они напи-

сали на листѣ бумаги слово свободы и вывѣсили его на всѣхъ перекресткахъ.

Свобода не объявленіе, которое можно прочесть на углахъ улицъ. Она живая сила, которую чувствуешь въ себѣ и вокругъ себя, геній-хранитель домашняго очага, гарантія общественныхъ правъ, и первое изъ этихъ правъ.

Притѣснитель, который прикрывается ея именемъ,— худшій изъ притѣснителей. Онъ сочетаетъ ложь съ тиранніей, несправедливость съ издѣвательствомъ: ибо слово свобода—священно.

Берегитесь тѣхъ, кто кричатъ: „Свобода, Свобода", а сами первые нарушаютъ ее своими дѣлами.

Развѣ вы выбираете тѣхъ, кто вами управляетъ, кто вамъ приказываетъ дѣлать то и не дѣлать это, кто облагаетъ податью ваше имущество, ваше ремесло, вашъ трудъ? И если не вы,—то какъ же вы свободны?

Можете вы располагать своими дѣтьми по собственному усмотрѣнію, довѣрять ихъ воспитаніе и образованіе тѣмъ, кто вамъ нравится? И если вы этого не можете,—то какъ же вы свободны?

Птицы небесныя и даже насѣкомыя собираются вмѣстѣ, чтобы дѣлать сообща то, чего не могутъ дѣлать въ одиночку. Можете вы собираться, чтобы обсудить ваши дѣла, чтобы защищать ваши права, чтобы добиться облегченія вашихъ бѣдъ? И если вы не можете, – то какъ же вы свободны?

Можете вы безъ запрету переходить съ мѣста на мѣсто, можете вы пользоваться плодами земли и произведеніями вашего труда, омочить палецъ въ водѣ моря и опустить одну каплю въ жалкій, глиняный горшокъ, гдѣ варится ваша пища, и не заплатить при этомъ подати и не быть брошеннымъ въ тюрьму? И если вы не можете,—то какъ же вы свободны?

Можете вы, ложась вечеромъ спать, поручиться, что никто не придетъ во время вашего сна обшарить самые сокровенные уголки вашего дома, не оторветъ васъ отъ вашего семейства и не броситъ въ тюрьму, только потому, что власть въ страхъ своемъ подозрѣваетъ васъ? И если вы не можете,— то какъ же свободны?

Свобода засіяетъ надъ вами лишь тогда, когда вы, смѣлые и настойчивые, отряхнете съ себя всякое рабство.

Свобода засіяетъ надъ вами, когда вы скажете отъ глубины души: „Мы хотимъ быть свободны“, когда, чтобы добиться этого, вы будете готовы пожертвовать всѣмъ и претерпѣть все.

Свобода засіяетъ надъ вами, когда у подножія креста, на которомъ Христосъ умеръ за васъ, вы поклянетесь умереть другъ за друга.

XXI.

Народъ неспособенъ сознавать свои выгоды; для его же собственнаго блага, его нужно держать всегда

подъ опекой. Развѣ не обязанность тѣхъ, у кого есть свѣтъ, вести за собой тѣхъ, у кого нѣтъ свѣта?

Такъ говоритъ толпа лицемѣровъ, которые хотятъ дѣлать народное дѣло для того, чтобы жирѣть насчетъ жизни народной.

Вы неспособны понять свои выгоды, говорятъ они; и въ силу этого они не позволяютъ вамъ даже распорядиться вашей собственностью на дѣло, которое вы считаете полезнымъ; и употребляютъ ее сами, противъ вашей воли, на другое дѣло, которое вамъ не нравится, которымъ вы гнушаетесь.

Вы неспособны управлять небольшимъ общественнымъ имуществомъ, неспособны знать, что для васъ хорошо, что дурно, знать ваши нужды и устраивать ихъ; и поэтому къ вамъ посылаютъ людей, хорошо оплачиваемыхъ вашими же деньгами, которые по своей прихоти будутъ распоряжаться вашимъ имуществомъ, запретятъ вамъ дѣлать то, что вы хотите, и заставятъ васъ дѣлать то, чего вы не хотите.

Вы неспособны рѣшить, какое образованіе надо дать вашимъ дѣтямъ; и изъ любви къ вашимъ дѣтямъ ихъ бросятъ въ вертепы безбожія и испорченности, если вы не предпочтете оставить ихъ безъ всякаго образованія.

Вы неспособны судить, можете ли вы съ вашимъ семействомъ просуществовать на ту плату которую вамъ соблаговолятъ дать за вашъ трудъ; вамъ запретятъ подъ страхомъ жестокихъ каръ

собираться вмѣстѣ, чтобы требовать увеличенія этой платы, для того чтобы вы были въ состояніи прокормиться,—вы, ваши жены и ваши дѣти.

Если бы то, что говоритъ эта лицемѣрная и жадная порода, было правдой, то вы были бы ниже скотины, ибо даже скотина знаетъ все то, чего вы, по ихъ завѣренію, не знаете, и ей достаточно одного инстинкта, чтобы знать это.

Богъ создалъ васъ не для того, чтобы вы были стадомъ для нѣсколькихъ другихъ людей. Онъ васъ создалъ для свободной жизни въ обществѣ вашихъ братьевъ. А брату нечего распоряжаться братомъ. Братья связаны между собою взаимнымъ соглашеніемъ, и это соглашеніе—законъ, а законъ должно уважать, и всѣ должны соединиться, чтобы воспрепятствовать нарушенію закона, потому что онъ—защита всѣхъ, воля и выгода всѣхъ.

Будьте людьми: нѣтъ никого столь сильнаго, чтобы запречь васъ въ ярмо противъ вашей воли; но вы можете вложить голову въ хомутъ, если хотите этого.

Есть глупыя животныя, которыхъ запираютъ въ хлѣва, которыхъ кормятъ для работы, и когда они состарятся, откармливаютъ для того, чтобы съѣсть ихъ мясо.

Есть другія животныя, которыя живутъ въ поляхъ, свободныя, которыхъ нельзя запречь въ ярмо,—они не польстятся на обманчивыя ласки и не покорятся угрозамъ и дурному обращенію.

Люди смѣлые походятъ на послѣднихъ; трусы— на первыхъ.

XXII.

Уясните себѣ хорошенько, какъ стать свободнымъ.

Чтобы стать свободнымъ, прежде всего надо любить Бога, ибо если вы любите Бога, вы выполняете его волю, его же воля—справедливость и милосердіе, безъ которыхъ нѣтъ свободы.

Когда насиліемъ или хитростью отнимаютъ собственность другого; когда нападаютъ на его самого; когда, на основаніи закона запрещаютъ ему поступать, какъ онъ хочетъ, и заставляютъ поступать, какъ онъ не хочетъ; когда такъ или иначе нарушаютъ его права,—что это? Несправедливость. Значитъ,—несправедливость нарушаетъ свободу.

Если бы каждый любилъ только себя самого, думалъ только о себѣ, никогда не приходя на помощь другому, бѣдный часто былъ бы принужденъ похищать собственность другого, чтобы самъ онъ и его близкіе могли существовать, слабый притѣснялся бы сильнымъ, этотъ въ свою очередь еще болѣе сильнымъ; несправедливость царила бы повсюду. Значитъ,—милосердіе охраняетъ свободу.

Любите Бога больше всего, и ближняго, какъ самого себя,—и рабство исчезнетъ съ лица земли.

Но тѣ, кто извлекаетъ пользу изъ рабства

братьевъ своихъ, приложатъ всѣ свои усилія, чтобы продолжить его. Они воспользуются для этого и ложью и насиліемъ.

Они скажутъ, что произвольное господство немногихъ и рабство всѣхъ остальныхъ есть порядокъ, установленный Богомъ; и для сохраненія своей тиранніи, они не побоятся изречь хулу на Провидѣніе.

Отвѣтьте имъ, что ихъ Богъ — Дьаволъ, врагъ рода человѣческаго, а вашъ—тотъ, который побѣдилъ Дьавола.

Послѣ этого они натравятъ на васъ своихъ приспѣшниковъ; они настроятъ тюремъ безъ числа, чтобы заточить васъ въ нихъ; они васъ будутъ гнать огнемъ и мечомъ; они будутъ пытать васъ и лить вашу кровь, какъ воду источниковъ.

И если вы не рѣшитесь сражаться безъ устали, перенести все не дрогнувъ, никогда не знать усталости, не уступать ни пяди,—то сохраните ваши оковы и откажитесь отъ свободы, которой вы недостойны.

Свобода подобна Царству Божію: она страдаетъ отъ насилія, и насиліемъ же пріобрѣтается.

И насиліе, которое вамъ поможетъ овладѣть свободой, не есть дикое насиліе воровъ и разбойниковъ, несправедливость, и месть, и жестокость, но—воля твердая и непреклонная, мужество спокойное и великодушное.

Самое святое дѣло становится нечестивымъ и гнуснымъ, когда для защиты его пускаютъ въ ходъ

преступленіе. Преступникъ можетъ стать изъ раба тираномъ, но онъ никогда не сдѣлается свободнымъ человѣкомъ.

XXIII.

Господи, мы взываемъ къ тебѣ изъ глубины нашего несчастія.

Какъ животныя, у которыхъ нѣтъ корма для ихъ дѣтенышей,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ овца, у которой отняли ея ягненка,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ голубокъ, котораго схватилъ ястребъ,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ лань въ когтяхъ тигра,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ волъ, изнемогающій отъ усталости, окровавленный стрекаломъ,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ райская птица, преслѣдуемая собакой,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ ласточка, упавшая отъ усталости, перелетая моря, и бьющаяся на волнѣ,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ путники,за блудившіеся въ выжженной солнцемъ, безводной пустынѣ,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе на безплодномъ берегу,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ человѣкъ, встрѣтившій ночью у кладбища ужасное привидѣніе,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ отецъ, у котораго отняли кусокъ хлѣба, предназначенный для его голодныхъ дѣтей,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ заключенный, котораго неправедный вельможа бросилъ въ сырую и мрачную тюрьму,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ рабъ, израненный кнутомъ господина,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ невинно осужденный, котораго ведутъ на казнь,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ народъ Израиля въ странѣ рабства,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ потомки Іакова, чьихъ первенцевъ король Египетскій приказалъ утопить въ водахъ Нила,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ двѣнадцать колѣнъ, чьи угнетатели увеличивали ежедневно ихъ работу, и ежедневно же урѣзывали пищу,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ всѣ народы земли въ ожиданіи зари освобожденія,

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

Какъ Христосъ на крестѣ, когда онъ говорилъ: Отецъ, Отецъ, зачѣмъ Ты меня оставилъ!

Мы взываемъ къ тебѣ, Господи.

О, Отецъ! Ты не покинулъ Твоего Сына, Твоего Христа, это только казалось на одинъ мигъ; Ты, равнымъ образомъ, не покинешь навсегда братьевъ Христа. Его божественная кровь, которая освободила ихъ отъ рабства у Князя міра сего, освободитъ ихъ также отъ рабства у приспѣшниковъ Князя міра сего. Взгляни на ихъ пронзенныя руки и ноги, на пронзенную грудь, на ихъ голову, покрытую кровоточащими ранами. Въ землѣ, которую Ты имъ далъ во владѣніе, вырыли громадную могилу и бросили ихъ въ нее безъ разбору, и припечатали камень на ней печатью, на которой въ насмѣшку вырѣзали Твое святое имя.

И вотъ, Господи, они лежатъ тамъ мертвые; но они не пребудутъ тамъ вѣчно. Еще три дня,—и святотатственная печать будетъ разбита, и камень будетъ разбитъ, и спящіе возстанутъ, и начнется царство Христа, которое есть справедливость, и милосердіе, и миръ, и радость въ Духѣ Святомъ.

Да будетъ такъ.

XXIV.

Все происходящее въ этомъ мірѣ имѣетъ свое знаменіе, которое предшествуетъ ему.

Когда солнце близко къ восходу, небо окрашивается тысячами цвѣтовъ, и Востокъ весь въ огнѣ.

Когда надвигается буря, на берегу слышенъ глухой шумъ, и воды волнуются какъ бы сами собой.

Безчисленныя, разнообразныя мысли, скрещивающіяся и смѣшивающіяся на горизонтѣ умственнаго міра, суть—знаменіе, возвѣщающее восходъ солнца мысли.

Смутный ропотъ и внутреннее броженіе волнующихся народовъ есть знаменіе, предвѣщающее бурю, которая скоро пронесется надъ трепещущими народами.

Будьте готовы, ибо времена приближаются.

Въ этотъ день будетъ великій ужасъ и такіе вопли, какихъ болѣе не слышали со временъ потопа.

Цари завоютъ на своихъ тронахъ: они обѣими руками будутъ пытаться удержать свои короны, уносимыя вѣтрами, и будутъ сметены вмѣстѣ съ ними.

Богачи и вельможи выбѣгутъ нагишомъ изъ своихъ дворцовъ, отъ страха быть погребенными подъ ихъ развалинами.

Ихъ увидятъ бродящими по дорогамъ, и они будутъ вымаливать у проходящихъ лохмотья, чтобы прикрыть свою наготу, и кусокъ чернаго хлѣба, чтобы утолить свой голодъ, и не знаю я, получатъ ли они его.

И будутъ люди, которыхъ охватитъ жажда крови, и они будутъ поклоняться Смерти и захотятъ, чтобы и другіе поклонялись ей.

И Смерть протянетъ свою костлявую руку какъ бы для благословенія, и это благословеніе упадетъ на ихъ сердца, и они перестанутъ биться.

И ученые смутятся въ знаніи своемъ, и оно имъ покажется маленькой черной точкой, когда взойдетъ солнце разума.

И по мѣрѣ того, какъ оно будетъ подниматься, его теплота растопитъ тучи, нагроможденныя бурей, и онѣ обратятся въ легкій паръ, который тихій вѣтеръ погонитъ къ западу.

Никогда большен ебо не будетъ такимъ яснымъ, и земля столь зеленой и плодородной.

И на мѣсто жалкихъ сумерекъ, которыя мы называемъ днемъ, живой и чистый свѣтъ засіяетъ съ вышины, какъ отраженіе лица Бога.

И люди, увидя другъ друга при этомъ свѣтѣ, скажутъ: „Мы не знали ни себя самихъ, ни другихъ; мы не знали, что есть—человѣкъ. Теперь мы знаемъ.“

И каждый полюбитъ себя въ братѣ своемъ, и будетъ счасливъ служить ему, и не будетъ болѣе ни великихъ, ни малыхъ, благодаря любви, которая равняетъ всѣхъ; и всѣ семьи будутъ—одна семья, и всѣ народы—одинъ народъ.

Вотъ смыслъ таинственныхъ письменъ, которыя ослѣпленные Іудеи прибили на крестѣ Христа.

XXV.

Была зимняя ночь. На дворѣ бушевалъ вѣтеръ, и снѣгъ бѣлой пеленой покрывалъ крыши.

Подъ одной изъ этихъ крышъ, въ маленькой комнаткѣ сидѣли съ работой въ рукахъ женщина съ сѣдыми волосами и молодая дѣвушка.

И время отъ времени старуха отогрѣвала свои блѣдныя руки надъ маленькой жаровней. Глиняная лампа освѣщала это бѣдное жилище, и одинъ изъ лучей ея угасалъ на образѣ Дѣвы Маріи, висѣвшемъ на стѣнѣ.

Молодая дѣвушка, поднявъ глаза, глядѣла молча нѣсколько времени на женщину съ сѣдыми волосами и затѣмъ сказала: „Матушка, ты не всегда жила въ такой нуждѣ“.

И въ ея голосѣ была невыразимая мягкость и нѣжность.

И женщина съ сѣдыми волосами отвѣтила: «Дочь моя, Богъ есть Господь: все, что онъ дѣлаетъ, все къ лучшему».

Сказавъ это, она немного помолчала и затѣмъ продолжала:

«Когда я лишилась твоего отца, то я думала, что моего горя ничто не можетъ утѣшить, хотя ты осталась у меня; но я думала тогда только объ одномъ.

«Но когда я подумала, что, если бы онъ остался

живъ и увидѣлъ бы насъ въ такой нуждѣ, его сердце разбилось бы,—я поняла, что Богъ былъ добръ къ нему».

Молодая дѣвушка ничего не отвѣтила, она склонила голову, и нѣсколько слезинокъ, которыя она хотѣла скрыть, упали на полотно, которое она держала въ рукахъ.

Мать продолжала: «Богъ, который былъ добръ къ нему, былъ добръ также и къ намъ. Въ чемъ же мы нуждались, когда такъ много людей нуждающихся во всемъ?

«Правда, намъ нужно было привыкать довольствоваться малымъ, и это малое добывать своимъ трудомъ; но развѣ этого малаго намъ было недостаточно? и развѣ не всѣ съ самого начала были осуждены жить своимъ трудомъ?

«Богъ по благости своей даетъ намъ каждый день насущный хлѣбъ: а сколькіе не имѣютъ его; далъ намъ кровъ, а сколькіе не знаютъ, гдѣ укрыться.

«Онъ далъ мнѣ тебя, моя дочь,—на что же мнѣ жаловаться?»

При этихъ словахъ молодая дѣвушка, взволнованная, упала къ ногамъ своей матери, схватила ея руки, поцѣловала ихъ и прижалась къ ея груди.

И мать, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы заговорить, сказала: „Дочь моя, счастье не въ томъ, чтобы много имѣть, а въ томъ, чтобы много надѣяться и много любить.

„Наша надежда не здѣсь на землѣ, а тѣмъ менѣе наша любовь: все, что на землѣ,—преходяще.

„Послѣ Бога, ты для меня все въ этомъ мірѣ; но этотъ міръ исчезнетъ, какъ сонъ, поэтому моя любовь возносится съ тобой къ другому міру.

„Когда я тебя носила въ чревѣ своемъ, я однажды горячо молилась Дѣвѣ Маріи, и она явилась мнѣ во снѣ, протягивая мнѣ съ небесной улыбкой маленькое дитя.

„И я взяла дитя, которое она мнѣ протягивала, когда же я держала его уже въ моихъ рукахъ, Дѣва-Богородица возложила на его голову вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.

„Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, родилась ты, и прекрасное видѣніе было всегда передъ моими глазами.“

Сказавъ это, сѣдая женщина вздрогнула и прижала къ своему сердцу молодую дѣвушку.

Черезъ нѣкоторое время одна святая душа видѣла, какъ два сіяющихъ образа возносились къ небу, сопровождаемые сонмомъ ангеловъ, и воздухъ звенѣлъ отъ ихъ радостнаго пѣнія.

XXVI

То, что видятъ ваши глаза, чего касаются ваши руки,—это только тѣни; звукъ, который слышитъ ваше ухо, это лишь грубое эхо внутренняго таинственнаго голоса, который молитъ и стонетъ въ утробѣ творенія.

Ибо каждое существо стонетъ, каждое существо проходитъ роды и стремится родиться къ истинной жизни, перейти изъ мрака къ свѣту, изъ царства видимостей въ царство дѣйствительности.

Это солнце, такое блестящее, такое прекрасное, только оболочка, только темный символъ истиннаго солнца, освѣщающаго и согрѣвающаго души.

Эта земля, такая богатая, такъ пышно зеленая— только блѣдный саванъ природы: ибо природа, также падшая, какъ человѣкъ сошла въ могилу, но какъ и онъ, она выйдетъ изъ нея.

Подъ этой толстой тѣлесной оболочкой вы подобны путнику, который ночью въ своей палаткѣ видитъ или думаетъ,что видитъ проходящіе призраки.

Дѣйствительный міръ скрытъ отъ васъ. Тотъ, кто углубляется въ самого себя, видитъ его иногда, какъ бы въ отдаленіи. Тайныя силы, которыя дремлютъ въ немъ, пробуждаются на мгновеніе, приподымаютъ уголокъ завѣсы, которую Время держитъ своей морщинистой рукою, и внутреннее око восхищено чудесами, которое оно созерцаетъ.

Вы сидите на берегу океана бытія, но вы не проникнете никогда въ глубины его. Вы идете вечеромъ по берегу моря и видите только немного пѣны, которую волна кидаетъ на берегъ.

Съ чѣмъ сравню я васъ еще?

Вы—какъ дитя во чревѣ матери въ ожиданіи часа рожденія; вы—какъ крылатое насѣкомое въ ползущемъ червѣ, старающееся вырваться изъ этой земной тюрьмы, чтобы направить полетъ къ небесамъ.

XXVII.

Кто толпился вокругъ Христа, внимая слову Его? Народъ.

Кто шелъ за Нимъ на гору и въ пустыни, чтобы слышать Его поученія? Народъ.

Кто хотѣлъ Его выбрать царемъ? Народъ.

Кто разстилалъ передъ Нимъ одежды и кидалъ пальмовыя вѣтви съ криками Осанна во время Его въѣзда въ Іерусалимъ? Народъ.

Кто оскорблялся тѣмъ, что Онъ исцѣлялъ страждущихъ въ день суботній? Книжники и фарисеи.

Кто задавалъ Ему коварные вопросы и ставилъ Ему ловушки, чтобы погубить Его? Книжники и фарисеи.

Кто говорилъ о Немъ: Онъ бѣсноватый? Кто называлъ Его сластолюбцемъ, любителемъ удовольствій? Книжники и фарисеи.

Кто обращался съ Нимъ, какъ съ бунтовщикомъ и святотатцемъ? Кто соединился съ цѣлью погубить Его? Кто распялъ Его на Голгоѳѣ, между двухъ разбойниковъ?

Книжники и фарисеи, законники, царь Иродъ и его приближенные, римскій правитель и первосвященники.

Ихъ лицемѣрное коварство обмануло даже народъ. Они заставили народъ требовать смерти Того, Кто накормилъ его въ пустынѣ семью хлѣбами, Кто

возвращалъ страждущимъ здоровье, слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ и увѣчнымъ употребленіе ихъ членовъ.

Но Іисусъ видя, что народъ обманутъ, подобно тому какъ Змѣй обманулъ женщину, молился Отцу своему, говоря:

„Отецъ мой, прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ.“

И, однако, прошло уже восемнадцать вѣковъ, но Отецъ еще не простилъ имъ, и они влекутъ свое наказаніе по всей землѣ, и по всей землѣ даже рабъ долженъ нагнуться, чтобы видѣть ихъ.

Милосердіе Христа безъ исключеній. Онъ пришелъ въ этотъ міръ не для того, чтобы спасти нѣсколькихъ человѣкъ, но всѣхъ людей. Для каждаго изъ нихъ у Него нашлась капля крови.

Но малыхъ, слабыхъ, униженныхъ, бѣдныхъ — всѣхъ, которые страдали, Онъ любилъ предпочтительною любовью.

Его сердце билось въ сердцѣ народа, и сердце народа билось въ Его сердцѣ.

И это въ сердцѣ Христа больные народы находятъ исцѣленіе и народы угнетенные черпаютъ силу для своего освобожденія.

Горе тѣмъ, кто отдаляется отъ Него, кто отъ Него отрекается. Бѣдствіе ихъ неисцѣлимо и рабство ихъ вѣчно.

XXVIII.

Были времена, когда человѣкъ рѣзалъ человѣка за то, что вѣрованія того отличались отъ его вѣрованій, будучи убѣжденъ, что предлагаетъ Богу жертву угодную.

Питайте отвращеніе къ этимъ гнуснымъ убійствамъ.

Какъ можетъ убійца человѣка быть угоденъ Богу, который сказалъ человѣку:

„Не убій".

Когда кровь человѣка льется на землю, какъ жертва Богу, сбѣгаются демоны и пьютъ ее, и входятъ въ того, кто ее пролилъ.

Преслѣдованія начинаются тогда, когда теряютъ надежду убѣдить,—тотъ либо клянетъ въ самомъ себѣ могущество истины, либо теряетъ довѣріе къ истинности того ученія, которое исповѣдуетъ.

Что можетъ быть безсмысленнѣе словъ людямъ: „Увѣруйте или умрите!"

Вѣра — дочь Слова; она проникаетъ въ сердце со словами а не съ кинжаломъ.

Іисусъ проходилъ, творя добро, привлекая къ себѣ своею добротою, и трогая своею добротою самыя жестокія души.

Его божественныя уста благословляли, а не проклинали никого, кромѣ лицемѣровъ. Онъ не избиралъ апостолами палачей.

Онъ говорилъ своимъ: „Оставьте расти вмѣстѣ до

жатвы доброе и дурное зерно,—Отецъ отдѣлитъ ихъ на гумнѣ".

И тѣмъ, которые убѣждали его ниспослать небесный огонь на одинъ нечестивый городъ, онъ говорилъ:

„Вы не вѣдаете какого вы духа".

Духъ Іисуса—духъ мира, милосердія и любви.

Тѣ, кто преслѣдуютъ его именемъ, кто испытываютъ совѣсть мечомъ, кто пытаютъ тѣло, чтобы обратить душу, кто заставляютъ проливать слезы, вмѣсто того, чтобы осушать ихъ,—въ нихъ нѣтъ духа Іисуса.

Горе оскверняющимъ Евангеліе, дѣлая его для людей орудіемъ страха! Горе пишущимъ благую вѣсть на окровавленныхъ листахъ!

Вспомните катакомбы.

Въ тѣ времена васъ тащили на эшафоты, кидали васъ дикимъ звѣрямъ въ циркахъ на забаву толпы, васъ тысячами бросали въ рудники и тюрьмы, отбирали ваше имущество, топтали васъ ногами, какъ грязь, на общественныхъ площадяхъ; у васъ не было другого мѣста для прославленія вашихъ изгнанныхъ таинствъ, кромѣ нѣдръ земли.

Что говорили ваши преслѣдователи? Они говорили, что вы распространяете опасное ученіе; что ваша секта, такъ они ее называли, нарушаетъ общественный порядокъ и тишину; что, будучи нарушителями законовъ и врагами рода человѣческаго, вы потрясаете государство, потрясая религію государства.

И бѣдствуя такъ, и будучи такъ угнетаемы, чего вы просили? Свободы.

Вы требовали права повиноваться только Богу, служить Ему и молиться Ему согласно съ вашей совѣстью.

Когда, даже заблуждаясь въ своей вѣрѣ, другіе потребуютъ отъ васъ этого священнаго права, уважайте его въ нихъ, подобно тому какъ и вы требуете, чтобы язычники уважали ваше право.

Уважайте его, чтобы не запятнать памяти вашихъ духовныхъ вождей и не осквернить праха вашихъ мучениковъ.

Гоненіе—мечъ о двухъ лезвіяхъ: онъ разитъ направо и налѣво.

Если вы не помните болѣе наставленій Христа, вспомните катакомбы.

XXIX.

Заботливо храните въ вашихъ душахъ справедливость и милосердіе: они будутъ вашей охраной, они изгонятъ изъ вашей среды распри и раздоры.

То, что вызываетъ распри и раздоры, что порождаетъ тяжбы, оскорбляющія добрыхъ и разоряющія семьи,—это прежде всего гнусное стремленіе къ наживѣ, ненасытная страсть къ пріобрѣтенію и обладанію.

Непрестанно подавляйте въ себѣ эту страсть, которую Дьяволъ непрестанно въ васъ возбуждаетъ.

Что унесете вы съ собою изъ всѣхъ этихъ богатствъ, которыя вы пріобрѣли честными и нечестными путями? Немного нужно человѣку, живущему такъ недолго.

Другая причина безконечныхъ раздоровъ—дурные законы.

А на землѣ имѣются почти только одни дурные законы.

Но какой законъ нуженъ тому, у кого законъ Христа?

Законъ Христа ясенъ, онъ святъ, и нѣтъ человѣка, который, имѣя этотъ законъ въ сердцѣ своемъ, не могъ бы съ легкостью судить о себѣ.

Выслушайте что мнѣ было сказано:

„Дѣти Христа, если между ними существуютъ какія-нибудь разногласія, не должны нести ихъ на судъ тѣхъ, кто угнетаютъ землю и развращаютъ ее.

„Развѣ нѣтъ старцевъ среди нихъ? и развѣ эти старцы не ихъ отцы, знающіе справедливость и любящіе ее?

„Пусть обратятся они къ одному изъ этихъ старцевъ и скажутъ ему: „Отецъ мой, мы не могли притти къ соглашенію, я и вотъ этотъ мой братъ; мы просимъ тебя, разсуди насъ".

„И старецъ выслушаетъ того и другого, разсудитъ ихъ, и разсудивъ благословитъ ихъ.

„И если они подчинятся его рѣшенію, благословеніе пребудетъ на нихъ; если же нѣтъ,—оно вернется къ старцу, который судилъ по справедливости.

„Нѣтъ ничего, чего бы не смогли совершить объединенные, будь это доброе дѣло, будь злое. День, въ который вы будете объединены, будетъ днемъ вашего освобожденія.

„Когда дѣти Израиля находились въ порабощеніи въ странѣ Египтянъ, то если бы каждый изъ нихъ, забывая своихъ братьевъ, желалъ одинъ уйти оттуда,—ни одному не удалось бы вырваться; они ушли всѣ вмѣстѣ, и никто ихъ не остановилъ.

„Вы также находитесь въ странѣ Египтянъ, согбенные подъ скипетромъ фараона и подъ кнутами его сборщиковъ податей.

„Молитесь Господу, вашему Богу, и затѣмъ поднимитесь и уходите всѣ вмѣстѣ“.

XXX.

Когда милосердіе остыло на землѣ, а несправедливость начала усиливаться, Богъ сказалъ одному изъ своихъ слугъ: „Иди отъ моего имени къ этому народу и возвѣсти ему то, что увидишь; и то, что ты увидишь, навѣрное сбудется, если только этотъ народъ не раскается и не вернется ко мнѣ, оставивъ путь порока“.

И слуга Божій повиновался этому велѣнію, и облекшись въ рубище и посыпавъ пепломъ главу, онъ пошелъ къ этой громадѣ людей и, возвысивъ голосъ, сказалъ:

„Зачѣмъ раздражаете вы Господа на свою по-

гибель? Оставьте ваши дурные пути, раскайтесь и вернитесь къ Нему".

И одни, слыша его слова, были ими тронуты, другіе же смѣялись надъ ними, говоря:

„Что это за человѣкъ, и что онъ тамъ разсказываетъ намъ? Кто уполномочилъ его насъ ругать? Это сумасшедшій".

И вотъ Духъ Божій осѣнилъ пророка, и время открылось его взору, и вѣка прошли передъ нимъ.

И вдругъ, разрывая свои одежды, онъ воскликнулъ: „Такъ будетъ разорвано семейство Адама.

„Неправедные измѣрили землю веревкою; они сосчитали живущихъ на ней, какъ считаютъ скотъ,— по головамъ".

„Они сказали: „Подѣлимъ все это и сдѣлаемъ себѣ изъ этого монету для нашего употребленія".

„И дѣлежъ совершился, и каждый взялъ себѣ то, что пришлось на его долю,—и земля и населяющіе ее люди перешли во владѣніе людей неправедныхъ, и посовѣтовавшись они спросили себя: „Сколько стоятъ наши владѣнія?" и всѣ вмѣстѣ отвѣтили: „Тридцать сребренниковъ".

„И они начали торговать между собою съ этими тридцатью сребренниками.

„И были—купля, продажа и мѣна: люди за землю, земля за людей и золото на придачу.

„И каждый желалъ части другого, и между ними началась рѣзня и взаимный грабежъ, и пролитою

кровью они написали на листѣ бумаги: Право, а на другомъ,—Слава.

„Господи, довольно, довольно!

„Вотъ двое забрасываютъ желѣзныя крючья на нѣкій народъ. Каждый выхватываетъ себѣ по куску.

„Вдоль и поперекъ прошелъ мечъ. Слышите вы эти раздирающіе крики? Это жалобы молодыхъ женъ и рыданія матерей.

„Два призрака скользятъ въ тѣни; они проносятся черезъ села и города. Одинъ, обглоданный какъ скелетъ, гложетъ кусокъ нечистаго животнаго, у другого подъ мышкой черная язва, и шакалы съ воемъ бѣгутъ за нимъ.

„Господи, Господи, неужели вѣченъ будетъ гнѣвъ Твой? Неужели всегда рука Твоя будетъ распростерта для того, чтобы разить? Пощади отцовъ ради дѣтей. Смягчись на слезы этихъ маленькихъ созданій, которыя не умѣютъ еще отличить лѣвой руки отъ правой.

„Земля расширяется; миръ возродится; будетъ мѣсто для всѣхъ.

„Горе, горе! кровь разливается: она окружаетъ землю краснымъ поясомъ.

„Кто этотъ старикъ, который говоритъ о справедливости, и держитъ въ одной рукѣ кубокъ съ отравою, а другою ласкаетъ падшую женщину, называющую его: мой отецъ?

„Онъ говоритъ: „Мнѣ принадлежитъ родъ Адама. Кто изъ васъ самые сильные,—межъ нихъ, я распредѣлю его“.

„И что онъ сказалъ, то онъ дѣлаетъ, и, не поднимаясь съ трона своего, онъ назначаетъ каждому его добычу.

„И всѣ пожираютъ, и пожираютъ... и голодъ ихъ все растетъ, и они бросаются другъ на друга, и мясо трепещетъ и кости трещатъ на ихъ зубахъ".

„Открывается рынокъ, туда приводятъ народы съ веревкой на шеѣ; ихъ ощупываютъ, ихъ взвѣшиваютъ, ихъ заставляютъ бѣгать и ходить: они стоятъ столько-то. Это уже не прежніе суматоха и безпорядокъ,—это правильная торговля.

„Счастливы птицы небесныя и твари земныя! никто ихъ не принуждаетъ,—они передвигаются по своему собственному усмотрѣнію.

„Какіе это жернова, которые вращаются не переставая, и что размалываютъ они?

„Сынъ Адама, эти жернова законы тѣхъ, кто тобою управляютъ, и то, что они размалываютъ, это—ты".

И по мѣрѣ того, какъ пророкъ раскрывалъ будущее этими мрачными лучами, невѣдомый ужасъ овладѣвалъ тѣми, которые внимали ему.

Внезапно его голосъ пересталъ быть слышенъ и онъ казался погруженнымъ въ глубокую думу. Народъ ждалъ въ молчаніи, стѣснивъ дыханіе и трепеща отъ тоски.

И сказалъ тогда пророкъ: „Господи, ты не навсегда покинулъ этотъ народъ въ его бѣдствіяхъ; ты не навсегда отдалъ его во власть угнетателей".

И онъ взялъ двѣ вѣтви, и сорвалъ съ нихъ листья, и скрестивъ связалъ ихъ, и затѣмъ поднялъ ихъ надъ толпой со словами: „Это будетъ вашимъ спасеніемъ,— этимъ знакомъ вы побѣдите“.

И наступила ночь, и пророкъ исчезъ, подобно пробѣгающей тѣни, и толпа въ темнотѣ разошлась во всѣ стороны.

XXXI.

Когда послѣ продолжительной засухи на землю падаетъ благодатный дождь, земля жадно пьетъ влагу неба, которая оживляетъ и оплодотворяетъ.

Такъ же жаждущіе народы будутъ жадно пить слово Божіе, когда оно упадетъ на нихъ подобно теплому дождю.

И справедливость съ любовью, и миръ и свобода произрастутъ въ ихъ сердцахъ.

И будетъ, какъ въ тѣ времена, когда всѣ были братья, и не будетъ слышно болѣе ни голоса господина, ни голоса раба, ни стоновъ бѣдняковъ, ни жалобъ угнетенныхъ,—будутъ только пѣсни радости и благословенія.

Отцы скажутъ своимъ сыновьямъ „Дни нашей юности были тревожны, полны слезъ и тоски. Теперь солнце восходитъ и заходитъ надъ нашей радостью. Благословенъ Господь, давшій намъ эти блага передъ смертью“.

И матери скажутъ своимъ дочерямъ: „Посмотрите на наше чело, теперь такое спокойное; нѣкогда не-

счастія, горе и заботы провели на немъ глубокія борозды морщинъ. Ваше чело какъ гладь озера весною, которую не морщинитъ ни одинъ вѣтерокъ. Благословенъ Господь, давшій намъ эти блага передъ смертью".

И юноши скажутъ молодымъ дѣвушкамъ: „Вы прекрасны, какъ полевые цвѣты, чисты, какъ освѣжающая ихъ роса, какъ озаряющій ихъ свѣтъ. Намъ пріятно видѣть нашихъ отцовъ, намъ пріятно быть возлѣ нашихъ матерей, но когда мы видимъ васъ и находимся вмѣстѣ съ вами,—въ нашихъ сердцахъ возникаетъ чувство, названіе которому надо искать въ небесахъ. Благословенъ Господь, давшій намъ эти блага передъ смертью".

И молодыя дѣвушки отвѣтятъ: „Цвѣты вянутъ,— они преходящи; настанетъ день, когда ихъ не оживитъ болѣе роса и не озаритъ свѣтъ. На землѣ только одна добродѣтель никогда не вянетъ и не умираетъ. Наши отцы подобны колосу, который наполняется зернами къ осени, и наши матери подобны лозѣ отягченной плодами. Намъ пріятно видѣть нашихъ отцовъ; намъ пріятно быть возлѣ нашихъ матерей; и сыновья нашихъ отцовъ и нашихъ матерей также милы намъ. Благословенъ Господь, давшій намъ эти блага передъ смертью".

XXXII.

Я видѣлъ букъ, вознесшійся на громадную высоту. Отъ вершины и почти до земли онъ прости-

ралъ огромныя вѣтви, которыя покрывали всю землю вокругъ такою тѣнью, что земля была совершенно обнажена; на ней не росло ни одной былинки. У подножія гиганта росъ дубъ; поднявшись на нѣсколько футовъ, онъ изогнулся, скрутился и направился горизонтально, потомъ еще разъ поднялся и снова изогнулся; и наконецъ можно было увидѣть его тощую и обезлиственную верхушку, вытянувшуюся изъ-подъ могучихъ вѣтвей бука, чтобы найти хоть немного воздуха и немного свѣта.

И я подумалъ про себя: вотъ какъ малые растутъ въ тѣни великихъ.

Кто собирается вокругъ сильныхъ міра? Кто льнетъ къ нимъ? только не бѣднякъ, его гонятъ, его видъ осквернилъ бы ихъ взоры. Его заботливо удаляютъ отъ нихъ и ихъ дворцовъ; ему даже не позволяютъ перейти черезъ ихъ сады, открытые всѣмъ кромѣ него, потому что его тѣло изнурено работой и покрыто одеждой нужды.

Итакъ, кто же собирается вокругъ сильныхъ міра?—богачи и льстецы, хотящіе стать богачами, падшія женщины, безчестные пособники ихъ тайныхъ пороковъ, фигляры, шуты, сумасшедшіе, развлекающіе совѣсть своихъ владыкъ, и лже-пророки, которые ее вводятъ въ обманъ.

И еще кто?—люди насилія и хитрости, пособники угнетенія, неумолимые сборщики податей, всѣ тѣ, кто говоритъ: „Отдайте намъ народъ, и мы заста-

вимъ течь его золото въ ваши сундуки и его кровь въ ваши жилы.

Туда, гдѣ лежитъ трупъ, слетаются орлы.

Маленькія птички вьютъ свои гнѣзда въ травѣ, а хищныя—на высокихъ деревьяхъ.

XXXIII.

Въ то время года, когда желтѣютъ листья, одинъ старикъ съ вязанкой хвороста за плечами медленно возвращался въ свою хижину, пріютившуюся на склонѣ холма.

И съ той стороны, куда открывался холмъ, между разбросанными тамъ и сямъ деревьями, видны были косые лучи солнца, уже опустившагося за горизонтъ, они играли на облакахъ, окрашивая ихъ въ безчисленные цвѣта, мало-по-малу догоравшіе.

И старикъ, придя въ свою хижину, его единственное имущество вмѣстѣ съ маленькимъ полемъ, которое онъ воздѣлывалъ,—свалилъ съ плечъ вязанку хвороста, сѣлъ на деревянную скамью, почернѣвшую отъ дыма очага, и опустилъ голову въ глубокой думѣ.

И время отъ времени изъ его тяжело вздымавшейся груди вырывалось короткое рыданіе и онъ говорилъ разбитымъ голосомъ:

„У меня былъ одинъ-единственный сынъ,—они взяли его у меня, была одна коровенка,—они взяли ее у меня какъ подать за поле“.

И затѣмъ еще болѣе слабымъ голосомъ повторялъ: „Мой сынъ, мой сынъ“, и слеза смочила его старческія вѣки и не могла скатиться.

И вотъ, когда онъ сидѣлъ такой печальный, онъ услышалъ, какъ кто-то сказалъ ему: Отецъ мой, да будетъ благословеніе Божіе надъ тобой и твоими близкими“.

„Близкими моими, сказалъ старикъ,—у меня нѣтъ больше никого, я одинокъ“.

И поднявъ глаза, онъ увидѣлъ у дверей странника, опиравшагося на посохъ; и зная что это Богъ посылаетъ гостей, онъ сказалъ ему:

„Да воздастъ тебѣ Господь за твое благословеніе. Войди, мой сынъ: все что есть у бѣдняка принадлежитъ другому бѣдняку“.

И зажегши вязанку хвороста на очагѣ, онъ сталъ готовить путнику ужинъ.

Но ничто не могло его отвлечь отъ удручавшей его мысли: она всегда была у него на сердцѣ.

И путникъ узнавъ, что его такъ горько печалитъ, сказалъ ему: „Мой отецъ, Богъ испытываетъ тебя руками людей. Однако, есть горести много большія, чѣмъ твои. Не угнетенный страдаетъ сильнѣе, а угнетатели“.

Старикъ покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ.

Путникъ продолжалъ: „Ты скоро повѣришь тому, чему сейчасъ не вѣришь“.

И усадивъ его, онъ положилъ руки на его глаза,

и старецъ погрузился въ сонъ, похожій на тотъ тяжелый, смутный, полный ужасовъ сонъ, который овладѣлъ Авраамомъ, когда Богъ показалъ ему будущія бѣдствія его рода.

И ему казалось, что онъ перенесенъ въ огромный дворецъ и очутился возлѣ одной кровати, рядомъ съ которой лежала корона, и на этой кровати спалъ человѣкъ, и старецъ видѣлъ то, что происходило въ этомъ человѣкѣ такъ, какъ видишь днемъ, когда бодрствуешь, все, что проходитъ передъ глазами.

И человѣкъ, который спалъ на этой золотой кровати, слышалъ какъ бы смутные крики множества народу, который просилъ хлѣба. Этотъ былъ шумъ подобный шуму волнъ, разбивающихся о берегъ во время бури. И буря усиливалась; и шумъ усиливался; и человѣкъ, который спалъ, видѣлъ, какъ волны растутъ съ минуты на минуту, и бьются уже о стѣны дворца, и онъ дѣлалъ неслыханныя усилія, чтобы бѣжать, и не могъ, и мука его была чрезвычайна.

И въ то время, какъ старецъ съ ужасомъ смотрѣлъ на этого человѣка, онъ былъ внезапно перенесенъ въ другой дворецъ. Тотъ, который спалъ тамъ, походилъ больше на трупъ, чѣмъ на живого человѣка.

И во снѣ своемъ онъ видѣлъ передъ собою отрубленныя головы; и головы эти говорили, раскрывая рты:

„Мы были преданы тебѣ,—и вотъ награда, кото-

рую мы получили. Спи, спи, но мы,—мы не спимъ. Мы караулимъ часъ мщенія: онъ близокъ".

И кровь застывала въ жилахъ этого спящаго человѣка. И онъ говорилъ про себя:

„Если бы я покрайней мѣрѣ могъ оставить свою корону этому ребенку", и его блуждающіе глаза обращались къ колыбели на которой была королевская лента.

Но въ то время, какъ онъ начиналъ успокаиваться, утѣшаясь нѣсколько этой мыслью, другой человѣкъ, похожій на него чертами лица, схватилъ ребенка и раздробилъ его объ стѣну.

И старикъ почувствовалъ, что онъ теряетъ силы отъ ужаса.

И въ тотъ же мигъ онъ былъ перенесенъ одновременно въ два разныхъ мѣста; и эти мѣста, будучи сами по себѣ раздѣльны, для него являлись какъ бы однимъ мѣстомъ.

И онъ увидѣлъ двухъ человѣкъ, которыхъ по возрасту можно было принять за одного человѣка: и онъ понялъ, что они были вскормлены одной и той же грудью.

И ихъ сонъ былъ сномъ приговореннаго, котораго ждетъ по пробужденіи казнь. Тѣни, окутанные въ окровавленные саваны, проходили передъ ними, и каждая проходя касалась ихъ, и члены ихъ стягивались и корчились какъ бы желая укрыться отъ этого прикосновенія смерти.

Затѣмъ они поглядѣли другъ на друга съ ужас-

ной усмѣшкой, глаза ихъ загорѣлись и руки судорожно сжали рукоятку кинжала.

И старикъ увидѣлъ затѣмъ одного блѣднаго и тощаго человѣка. Подозрѣнія толпою вились надъ его кроватью, брызгая своимъ ядомъ ему въ лицо, бормотали тихимъ голосомъ зловѣщія слова и медленно впивались своими когтями въ его черепъ, покрытый холоднымъ потомъ. И подобіе человѣка-блѣдное какъ саванъ, приблизилось къ нему и молча указало ему пальцемъ на багровую полосу на своей шеѣ. И у блѣднаго человѣка, лежавшаго въ кровати, колѣни начали биться другъ о друга, ротъ его раскрылся отъ ужаса, и глаза страшно расширились.

И старикъ проникнутый ужасомъ, былъ перенесенъ въ еще бо́льшій дворецъ.

И тотъ, который спалъ тамъ, дышалъ съ чрезвычайными усиліями. Черное привидѣніе сидѣло скорчившись на его груди и глядѣло на него, оскаливъ зубы. И оно шептало ему на ухо, и слова его превращались въ видѣнія въ душѣ этого человѣка, котораго оно сжимало и давило своими костями.

И онъ видѣлъ вокругъ себя неисчислимое множество народу, испускавшаго ужасные крики:

„Ты обѣщалъ намъ свободу, а далъ рабство!

„Ты обѣщалъ намъ управлять сообразно съ законами, а законы твои—твои прихоти.

„Ты обѣщалъ намъ беречь хлѣбъ, нашихъ женъ и дѣтей, а удвоилъ нашу бѣдность, чтобы увеличить свои богатства.

„Ты обѣщалъ намъ славу, а далъ намъ презрѣніе народовъ и ихъ справедливую ненависть.

„Встань, встань и иди спать вмѣстѣ съ клятвопреступниками и тиранами.“

И онъ почувствовалъ какъ эта толпа сбросила его съ кровати и потащила, и онъ ухватился за мѣшки съ золотомъ, но мѣшки прорвались и золото высыпалось и разсыпалось по землѣ.

И ему привидѣлось, что онъ бродитъ, какъ нищій,—бродитъ по міру; что онъ хочетъ пить и проситъ ради Христа воды, а ему даютъ стаканъ полный грязи; что всѣ избѣгаютъ его, всѣ проклинаютъ его, потому что лобъ его отмѣченъ клеймомъ предателей.

И старикъ съ отвращеніемъ отвелъ отъ него свои глаза.

И въ двухъ другихъ дворцахъ онъ видѣлъ еще двухъ людей, выдумывающихъ казни. „Ибо, говорили они,—гдѣ мы будемъ хоть въ нѣкоторой безопасности? Въ землѣ подъ нашими ногами подкопы; народъ насъ ненавидитъ; даже маленькія дѣти въ своихъ молитвахъ просятъ Бога и вечеромъ и утромъ, чтобы Онъ избавилъ землю отъ насъ.

И одинъ приговорилъ къ „жестокому заточенію“, то-есть ко всѣмъ мукамъ тѣла и души и къ голодной смерти тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ произнесеніи слова „отечество;“ а другой приказалъ заключить въ каменный мѣшокъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, отобравъ сначала ихъ имуще-

ство, виновныхъ только въ томъ, что онѣ въ больницѣ ухаживали за своими ранеными братьями.

И въ то время, какъ они усердно занимались этой работой палачей, прибыли къ нимъ ихъ гонцы.

И одинъ изъ гонцовъ сообщалъ: „Ваши южныя владѣнія разбили свои цѣпи и ихъ обрывками прогнали вашихъ правителей и войска“.

И другой доносилъ: „Ваши знамена разорваны на берегахъ широкой рѣки: ея волны уносятъ обрывки.“

И при этихъ извѣстіяхъ два короля корчились на своемъ ложѣ.

И старикъ увидѣлъ третьяго короля. Онъ изгналъ Бога изъ своего сердца, и въ его сердцѣ взамѣнъ Бога поселился червь, который безъ устали точилъ его; и когда муки короля усиливались, онъ бормоталъ глухія проклятія, и губы его покрывались кровавою пѣной.

И ему привидѣлось, что онъ находится на обширной равнинѣ, одинъ съ червемъ, который не покидаетъ его.

И эта равнина—кладбище, кладбище зарѣзаннаго народа.

И вдругъ земля колеблется; могилы раскрываются: мертвые встаютъ и наступаютъ толпою на него; и онъ не можетъ ни пошевельнуться ни вскрикнуть.

И всѣ эти мертвецы, мужчины, женщины, дѣти молча глядятъ на него; и немного времени спустя они всѣ, тоже молча, берутъ могильные камни и кладутъ вокругъ него.

И камни растутъ до колѣнъ, потомъ до груди, потомъ до рта, и онъ напрягаетъ всю силу мышцъ шеи, чтобы вздохнуть еще хоть одинъ разъ; а постройка все растетъ... И когда она была кончена, ея вершина терялась въ темныхъ облакахъ.

Силы начали покидать старика; душа его переполнилась ужасомъ.

И вотъ, пройдя нѣсколько пустыхъ комнатъ, онъ увидѣлъ въ маленькой комнатѣ, на кровати, которая скудно освѣщалась блѣднымъ свѣтомъ лампы, изнуреннаго годами человѣка.

Вокругъ кровати стояли семь ужасовъ, четыре — съ одной стороны, три—съ другой.

И одинъ изъ ужасовъ положилъ руку на сердце престарѣлаго человѣка, и тотъ задрожалъ, и члены его затрепетали; и эта рука оставалась тамъ, пока еще чувствовала теплоту.

И послѣ того другой ужасъ, еще болѣе холодный, сдѣлалъ то же, что и первый, и затѣмъ всѣ положили свои руки на сердце престарѣлаго человѣка.

И въ немъ произошли вещи, которыхъ невозможно передать.

Онъ увидѣлъ вдали, по направленію къ полюсу, ужасный призракъ, который сказалъ ему: „Отдайся мнѣ, и я тебя согрѣю своимъ дыханіемъ“.

И своими ледяными пальцами человѣкъ страха писалъ договоръ, я не знаю какой договоръ, но каждое слово было подобно предсмертному хрипѣнію.

И это видѣніе было послѣднимъ.

Старикъ очнувшись возблагодарилъ Провидѣніе за ту долю, которую оно ему удѣлило изъ страданій жизни.

И странникъ сказалъ ему: „Надѣйся и молись: молитвой достигнешь всего. Твой сынъ не потерянъ для тебя; твои глаза увидятъ его прежде, чѣмъ закроются. Ожидай съ миромъ дней Господа“.

И старикъ ждалъ съ миромъ.

XXXIV.

Все это зло, которое печалитъ землю, не отъ Бога. ибо Богъ—любовь, и все, что онъ сдѣлалъ—добро: зло—отъ Дьявола, котораго Богъ проклялъ и отъ людей, для которыхъ Дьяволъ—отецъ и господинъ.

Многочислены дѣти Дьявола въ мірѣ. И имена всѣхъ ихъ Господь вписываетъ въ книгу съ печатью, и книга эта будетъ открыта и прочитана передъ всѣми въ концѣ временъ.

Есть люди, любящіе только самихъ себя; и это люди ненависти; ибо любить только себя—значитъ ненавидѣть другихъ.

Есть люди гордости, которые не могутъ выносить равныхъ себѣ, которые хотятъ всегда повелѣвать и господствовать.

Есть люди алчности, которые постоянно требуютъ золота, почестей, наслажденій, и никогда не насыщаются.

Есть люди хищности, которые подстерегаютъ слабаго, чтобы ограбить его силой или хитростью, и которые бродятъ ночью вокругъ жилища вдовъ и сиротъ.

Есть люди убійства, которые думаютъ только о насиліи, которые говорятъ: „Вы наши братья“, и убиваютъ тѣхъ, кого называютъ братьями, коль скоро подозрѣваютъ ихъ въ сопротивленіи своимъ намѣреніямъ, и кровью ихъ пишутъ законы.

Есть люди страха, которые трепещутъ передъ злымъ и цѣлуютъ ему руку, надѣясь этимъ избѣжать его притѣсненія, и которые поспѣшно бѣгутъ домой и закрываютъ двери, когда при нихъ нападаютъ на невиннаго на площади.

Всѣ эти люди разрушили миръ, безопасность и свободу на землѣ.

И вы не вернете себѣ свободы, безопасности и мира иначе, какъ безъ устали сражаясь противъ этихъ людей.

Городъ, который они построили—городъ Дьявола, вы должны возстановить городъ Господа.

Въ городѣ Господа каждый любитъ своихъ братьевъ, какъ самого себя, и вотъ почему никто тамъ не покинутъ, никто тамъ не страдаетъ, если только есть средство противъ его страданія.

Въ городѣ Господа всѣ равны,—никто не управляетъ, ибо тамъ царствуютъ только справедливость и любовь.

Въ городѣ Господа каждый владѣетъ безъ страха

тѣмъ, что принадлежитъ ему, и не домогается большаго, ибо то, что принадлежитъ каждому, принадлежитъ всѣмъ, и всѣ имѣютъ Бога, который есть—все.

Въ городѣ Господа никто не приноситъ другихъ въ жертву себѣ, но каждый готовъ пожертвовать собою для другихъ.

Если въ городъ Господа проберется злой, всѣ отстранятся отъ него, и всѣ соединятся для того, чтобы сдержать его или изгнать; ибо злой—врагъ каждому, а врагъ каждому—врагъ всѣмъ.

Когда вы возстановите городъ Господа, земля процвѣтетъ и народы возродятся, потому что вы побѣдили сыновъ Дьявола, которые угнетаютъ народы и опустошаютъ землю, побѣдили людей гордости, людей хищности, убійства и страха.

XXXV.

Если бы угнетатели народовъ были предоставлены самимъ себѣ,—безъ помощи, безъ поддержки извнѣ, что могли бы они сдѣлать противъ народовъ?

Если бы для удержанія ихъ въ рабствѣ у нихъ была только помощь тѣхъ, кому рабство выгодно,—что могла бы подѣлать эта маленькая кучка противъ цѣлыхъ народовъ?

И въ этомъ мудрость Бога, что онъ все устроилъ такъ, чтобы люди могли всегда противиться тираніи: и тираннія была бы невозможной, если бы люди поняли мудрость Бога.

Но повелители міра, обративъ сердца людей на другія мысли, противупоставили мудрости Бога, которую люди больше не понимали, мудрость князя міра сего—Дьявола.

И вотъ Дьяволъ, царь всѣхъ угнетателей народовъ, внушилъ имъ для укрѣпленія тиранніи адскую хитрость.

Онъ сказалъ имъ: „Вотъ что нужно сдѣлать. Возьмите изъ каждаго семейства наиболѣе крѣпкихъ юношей, дайте имъ оружіе и научите ихъ владѣть имъ; тогда они будутъ сражаться за васъ противъ своихъ отцовъ и братьевъ своихъ; ибо я сумѣю убѣдить ихъ, что это доблестное дѣло.

„Я имъ сдѣлаю двухъ идоловъ, имя которымъ будетъ—Честь и Вѣрность, и дамъ имъ одинъ законъ, имя которому будетъ—Слѣпое повиновеніе.

„И они будутъ боготворить этихъ идоловъ, и они слѣпо подчинятся этому закону, потому что я обольщу ихъ разумъ, и вамъ нечего будетъ бояться.

И угнетатели народовъ сдѣлали такъ, какъ имъ сказалъ Дьяволъ, и Дьяволъ исполнилъ то, что обѣщалъ угнетателямъ.

И увидѣли люди, какъ дѣти народа подняли руку на народъ, рѣзали своихъ братьевъ, налагали цѣпи на своихъ отцовъ, и забыли даже чрево матерей носившихъ ихъ.

Когда имъ говорили: „Во имя всего святого, подумайте о несправедливости, о жестокости того, что

вамъ приказываютъ“, они отвѣчали: „Мы не думаемъ, мы повинуемся“.

И когда имъ говорили: „Неужели въ васъ нѣтъ болѣе любви къ вашимъ отцамъ, вашимъ матерямъ, вашимъ братьямъ и сестрамъ?“ они отвѣчали: „Мы не любимъ, мы повинуемся“.

И когда имъ указывали на алтари Бога, который создалъ человѣка и на алтари Христа, который спасъ его, они кричали: „Это Боги отечества. Наши Боги, для насъ, это Боги нашихъ господъ,—Вѣрность и Честь“.

Воистину говорю вамъ, со времени обольщенія первой женщины Змѣемъ, не было обольщенія ужаснѣе этого.

Но оно приближается къ концу. Если злой разумъ обольщаетъ прямыя души, то лишь на время. Онѣ проходятъ его какъ ужасный сонъ, и при пробужденіи благословляютъ Бога, избавившаго ихъ отъ этой муки.

Еще нѣсколько дней,—и тѣ кто сражались за угнетателей сразятся за угнетенныхъ, тѣ, кто сражались, чтобы удержать въ цѣпяхъ своихъ отцовъ, своихъ матерей, своихъ братьевъ и сестеръ, сразятся за ихъ освобожденіе.

И Дьяволъ убѣжитъ въ свои пещеры вмѣстѣ съ повелителями народовъ.

XXXVI.

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за Бога и за алтари отечества.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за справедливость, за святое дѣло народовъ, за священныя права рода человѣческаго.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за избавленіе братьевъ моихъ отъ угнетенія,—разбить ихъ оковы и оковы міра.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться противъ неправедныхъ людей за тѣхъ, кого они бросаютъ на землю и топчутъ ногами: противъ господъ за рабовъ, противъ тирановъ за свободу.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы всѣ не были добычей немногихъ—чтобы поднять согбенныя головы и поддержать сгибающіяся колѣни.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы отцы не проклинали больше того дня, когда имъ было сказано: „У васъ родился сынъ“, не проклинали матери того дня, когда они въ первый разъ прижали его къ своей груди.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы братъ больше не печалился, видя какъ вянетъ его сестра, словно травка, которой земля отказываетъ въ пищѣ; чтобы сестра не глядѣла больше со слезами на своего брата, который уходитъ и больше не вернется.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы каждый могъ пользоваться съ миромъ плодами труда своего; иду осушить слезы малыхъ дѣтей, которыя просятъ хлѣба, а имъ отвѣчаютъ: „Нѣтъ больше хлѣба: у насъ отняли все, что еще оставалось“.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за бѣдныхъ,—за то, чтобы

они не были больше навсегда лишены своей доли въ общемъ наслѣдіи.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы изгнать голодъ изъ хижинъ, чтобы вернуть семьямъ изобиліе, безопасность и радость.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы всѣмъ, кого угнетатели бросили въ тюрьмы, вернуть воздухъ, котораго недостаетъ ихъ груди, и свѣтъ, который ищутъ ихъ глаза.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы опрокинуть преграды, отдѣляющія народы и мѣшающія имъ обнять другъ друга, какъ дѣтямъ одного отца, предназначеннымъ жить въ единеніи и любви.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы освободить дтъ тиранніи человѣка,—мысль, слово, совѣсть.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молоой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за вѣчные законы, данные свыше, за справедливость, охраняющую права, за милосердіе, смягчающее неизбѣжное зло.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, молодой воинъ!

— Молодой воинъ, куда идешь ты?

— Я иду сражаться за то, чтобы всѣ имѣли одного Бога на небѣ и одну отчизну на землѣ.

— Да будетъ благословенно твое оружіе, семь разъ благословенно, молодой воинъ!

XXXVII.

Зачѣмъ вы тратите напрасно силы въ своей нищетѣ? Ваши желанія хороши, но вы не знаете какъ ихъ привести въ исполненіе.

Хорошенько запомните это правило:

Только тотъ можетъ вернуть жизнь, кто далъ жизнь.

Вы не успѣете ни въ чемъ безъ Бога.

Вы ворочаетесь на своемъ ложѣ въ тоскѣ: какое нашли вы успокоеніе?

Вы свергли нѣсколько тирановъ,—на ихъ мѣсто пришли другіе, худшіе первыхъ.

Вы уничтожили законы рабства, и получили законы крови, а потомъ опять—законы рабства.

Не довѣряйте же людямъ, которые становятся между Богомъ и вами, чтобы своею тѣнью скрыть Его отъ васъ. У этихъ людей дурные замыслы.

Ибо отъ Бога сила которая освобождаетъ, ибо отъ Бога любовь, которая соединяетъ.

Что можетъ сдѣлать для васъ человѣкъ, у котораго руководство—его мысль, воля—законъ.

Даже если онъ человѣкъ хорошихъ намѣреній и желаетъ только добра, нужно, чтобы онъ отдалъ вамъ свою волю ради закона и свою мысль ради руководящихъ правилъ.

Вѣдь всѣ тираны поступаютъ такъ.

Нѣтъ расчета опрокинуть все и рискнуть всѣмъ для того, чтобы замѣнить одну тираннію другой.

Свобода заключается не въ томъ, что вмѣсто этого правитъ тотъ; а въ томъ, что никто не правитъ.

И тамъ, гдѣ не царствуетъ Богъ, является необходимымъ, чтобы управлялъ человѣкъ, что мы и видимъ всегда.

Царство Бога, я вамъ еще разъ повторяю,—это царство справедливости въ умахъ и милосердія въ сердцахъ; и основа его на землѣ—вѣра въ Бога и вѣра во Христа, который подтвердилъ законъ Бога—законъ милосердія и справедливости.

Законъ справедливости гласитъ, что всѣ равны передъ отцомъ своимъ—Богомъ, и передъ своимъ единственнымъ учителемъ—Христомъ.

Законъ милосердія учитъ людей любить и взаимно помогать другъ другу, ибо они дѣти одного отца и ученики одного учителя.

И только въ этомъ случаѣ они свободны, ибо

никто не повелѣваетъ другимъ, если только онъ не былъ выбранъ по доброй волѣ всѣми, чтобы повелѣвать; и невозможно отнять у нихъ свободы, потому что всѣ объединились для защиты ея.

Но тѣ, кто вамъ говоритъ: „До насъ не знали, что такое справедливость; справедливость не отъ Бога, — она отъ человѣка: довѣрьтесь намъ, и мы вамъ дадимъ справедливость, которая удовлетворитъ васъ,“ — они васъ обманываютъ; или же, если они искренно обѣщаютъ вамъ свободу, обманываютъ самихъ себя.

Ибо они потребуютъ, чтобы ихъ признали господами, и ваша свобода будетъ ни что иное, какъ повиновеніе этимъ новымъ господамъ.

Отвѣтьте имъ, что вашъ господинъ Христосъ, что вы не хотите никакого другого,—и Христосъ освободитъ васъ.

XXXVIII.

Вамъ нужно терпѣніе великое, и мужество неутомимое, ибо не въ одинъ день побѣдите.

Свобода—хлѣбъ, который народы должны заработать въ потѣ лица своего.

Многіе начинаютъ съ жаромъ, но потомъ отступаютъ, не дождавшись дня жатвы.

Они подобны людямъ изнѣженнымъ и трусливымъ, не могущимъ вынести труда очистки полей своихъ отъ сорныхъ травъ, по мѣрѣ того, какъ они вырастаютъ; они сѣютъ и не пожинаютъ, потому что они допустили заглушить доброе зерно.

Говорю вамъ, всегда великій голодъ въ этой странѣ.

Они подобны также тѣмъ безразсуднымъ, которые, возведя до крыши домъ, въ которомъ хотятъ поселиться, не заботятся покрыть его, потому что боятся слишкомъ утомиться.

Наступаютъ дожди и вѣтры, и домъ рушится, и тѣ, кто его построили, погребены вдругъ подъ его развалинами.

Даже если бы ваши надежды были обмануты не только семь разъ, но семьдесятъ разъ семь, все-таки никогда не теряйте надежды.

Справедливое дѣло, если только вѣришь въ него, всегда восторжествуетъ, и тотъ спасется, кто упорствуетъ до конца.

Не говорите: слишкомъ много страданій ради благъ, которыя придутъ слишкомъ поздно.

Если эти блага придутъ поздно, если вамъ придется пользоваться ими мало времени, или даже вамъ совсѣмъ не будетъ дано воспользоваться ими,—ими будутъ пользоваться ваши дѣти и дѣти вашихъ дѣтей.

У нихъ будетъ только то, что вы имъ оставите; подумайте, хотите ли вы имъ оставить въ наслѣдіе оковы, и бичи, и голодъ.

Тотъ, кто спрашиваетъ, что стоитъ справедливость,—оскверняетъ справедливость въ сердцѣ своемъ; и тотъ, кто высчитываетъ, что стоитъ свобода,—отказывается отъ свободы въ сердцѣ своемъ.

Свобода и справедливость взвѣсятъ васъ на тѣхъ же вѣсахъ, на которыхъ вы ихъ взвѣшивали. Научитесь же знать имъ цѣну.

Есть народы, которые не знали цѣны имъ, и никакое бѣдствіе не сравнится съ ихъ бѣдствіями.

Если есть на землѣ что-либо великое, такъ это твердое рѣшеніе народа, идущаго на глазахъ Бога, не уставая ни на минуту, на завоеваніе правъ, которыя онъ получилъ отъ него, который не считаетъ ни ранъ, ни дней безъ отдыха, ни безсонныхъ ночей, и который говоритъ: „Что все это? Справедливость и свобода достойны гораздо большихъ трудовъ“.

Онъ можетъ испытать неудачи, перемѣны счастья, измѣны, онъ можетъ быть преданъ какимъ-нибудь Іудой. Пусть ничто не лишитъ его мужества.

Ибо воистину говорю вамъ, если онъ подобно Христу сойдетъ въ могилу, онъ такъ же какъ Христосъ на третій день выйдетъ изъ нея побѣдителемъ смерти, и Князя міра сего, и помощниковъ Князя міра сего.

XXXIX.

Земледѣлецъ несетъ всѣ тяготы дня, переноситъ и дождь, и зной, и вѣтеръ, чтобы подготовить своимъ трудомъ жатву, которая осенью наполнитъ его житницы.

Справедливость—жатва народовъ.

Ремесленникъ поднимается до зари, зажигаетъ свою маленькую лампу и работаетъ безъ отдыха, чтобы добыть немного хлѣба и накормить себя и своихъ дѣтей.

Справедливость—хлѣбъ народовъ.

Купецъ не отказывается ни отъ какого труда, не жалуется ни на какое безпокойство; онъ изнашиваетъ свое тѣло, забываетъ сонъ, чтобы накопить богатства.

Свобода—богатство народовъ.

Морякъ пересѣкаетъ моря, отдается волнамъ и бурямъ, рискуетъ пускаться межъ подводныхъ скалъ, терпитъ и зной и холодъ, чтобы обезпечить себѣ нѣкоторый отдыхъ въ старости.

Свобода—отдыхъ народовъ.

Солдатъ подвергается ужаснѣйшимъ лишеніямъ, бодрствуетъ, сражается и отдаетъ свою кровь за то, что онъ называетъ славой.

Свобода—слава народовъ.

Если есть такой народъ, который цѣнитъ справедливость и свободу ниже, чѣмъ земледѣлецъ свою жатву, ремесленникъ кусокъ хлѣба, купецъ свои богатства, морякъ отдыхъ и солдатъ славу,—возведите вокругъ этого народа высокую стѣну, чтобы его дыханіе не заражало остальную землю.

Когда наступитъ для народовъ великій судный день, ему будетъ сказано: „Что сдѣлалъ ты со своей душою? никто не видѣлъ ея проявленій, ея слѣдовъ. Скотскія наслажденія были для тебя всѣмъ. Ты любилъ грязь, такъ ступай жить въ грязи“.

И наоборотъ, народъ, который поставилъ въ своемъ сердцѣ выше земныхъ благъ истинныя блага, который, чтобы отвоевать ихъ, не щадилъ никакихъ усилій, никакой усталости, никакой жертвы,— услышитъ такое слово:

„Тѣмъ, у кого есть душа,—награда душъ. Такъ какъ ты передъ всѣмъ прочимъ любилъ свободу и справедливость, приди и владѣй навсегда справедливостью и свободой.“

XL.

Думаете вы, что быку, котораго кормятъ во хлѣву, чтобы запречь въ ярмо, и котораго откармливаютъ на убой, нужно больше завидовать, чѣмъ буйволу, который свободный самъ ищетъ себѣ пищу въ лѣсахъ?

Думаете вы, что участь лошади, которую сѣдлаютъ и взнуздываютъ, у которой въ ясляхъ всегда вдоволь сѣна, предпочтительнѣе, чѣмъ доля жеребца, который скачетъ и носится по равнинѣ, свободный отъ всякихъ путъ?

Думаете вы, что каплунъ, которому кидаютъ зерно на птичій дворъ, счастливѣе, чѣмъ вяхирь, который утромъ не знаетъ, гдѣ найдетъ онъ кормъ днемъ?

Думаете вы, что тотъ, кто спокойно прогуливается по одному изъ этихъ парковъ, которые называютъ королевскими, ведетъ болѣе пріятную жизнь, чѣмъ изгнанникъ, который бродитъ изъ

лѣсу въ лѣсъ, съ горы на гору съ сердцемъ полнымъ надежды создать себѣ новое отечество?

Думаете вы, что слабоумный холопъ, сидя за столомъ своего господина, наслаждается тонкими явствами болѣе, чѣмъ борецъ за свободу своимъ кускомъ чернаго хлѣба?

Думаете вы, что спящій съ веревкой вокругъ шеи, на соломѣ, которую бросилъ ему его господинъ, спитъ лучшимъ сномъ, чѣмъ тотъ, кто сражался цѣлый день за свою независимость отъ господина, и теперь ночью отдыхаетъ нѣсколько часовъ на землѣ въ углу поля?

Думаете вы, что трусъ, который всюду влачитъ цѣпи рабства менѣе обремененъ, чѣмъ человѣкъ храбрый, несущій на себѣ тюремныя цѣпи?

Думаете вы, что робкій человѣкъ, который умираетъ на своей постели, задушенный зачумленнымъ воздухомъ, окружающимъ всякую тираннію, умретъ болѣе желанной смертью, чѣмъ человѣкъ твердый, который на эшафотѣ отдаетъ Богу свою душу такою же свободной, какою онъ получилъ ее отъ него?

Работа всюду и страданіе всюду; только есть работа безплодная и работа плодотворная, страданія безчестныя и страданія славныя.

XLI.

Онъ уходитъ бродить по землѣ. Да направитъ Богъ шаги бѣднаго изгнанника!

Я проходилъ народы, и они смотрѣли на меня,

и я смотрѣлъ на нихъ, и мы совсѣмъ не узнавали другъ друга. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Когда я видѣлъ на склонѣ дня дымокъ, подымающійся въ глубинѣ долины изъ какой-нибудь хижины, я говорилъ себѣ: Счастливъ, кто находитъ вечеромъ домашній очагъ и садится у него въ средѣ своихъ близкихъ. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Куда бѣгутъ эти тучи, гонимыя бурей? Она меня гонитъ, какъ ихъ, и не все ли равно куда? Изгнанникъ всюду одинокъ.

Эти деревья красивы, цвѣты эти прекрасны; но это не деревья и не цвѣты моей родины: они мнѣ не говорятъ ничего. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Этотъ ручей нѣжно журчитъ въ долинѣ; но его журчаніе не то, которое слышало мое дѣтство: оно не вызываетъ во мнѣ никакихъ воспоминаній. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Эти пѣсни сладостны; но печали и радости, которыя онѣ пробуждаютъ,—не мои печали и не мои радости. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Меня спросили: „Зачѣмъ ты плачешь?“ И когда я объяснилъ имъ, никто не заплакалъ, потому что меня не понимали. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Я видѣлъ стариковъ, окруженныхъ дѣтьми, подобно маслинѣ съ отпрысками ея; но ни одинъ изъ этихъ стариковъ не назвалъ меня своимъ сыномъ, ни одно дитя не назвало меня своимъ братомъ. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Я видѣлъ улыбки молодыхъ дѣвушекъ, улыбки

такія чистыя, какъ утренній вѣтерокъ, онѣ улыбались тѣмъ, кого ихъ любовь избрала супругомъ; но ни одна изъ нихъ не улыбалась мнѣ. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Я видѣлъ молодыхъ людей, они обнимались грудь съ грудью, будто желая слить двѣ жизни въ одну; но никто не пожалъ мнѣ руки. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Друзья, супруги, отцы и братья только на родинѣ. Изгнанникъ всюду одинокъ.

Бѣдный изгнанникъ! перестань жаловаться; всѣ изгнаны, какъ ты: всѣ видятъ какъ проходятъ и исчезаютъ отцы, братья, супруги, друзья.

Отечество не здѣсь на землѣ; тщетно человѣкъ ищетъ его здѣсь; то, что онъ принимаетъ за отечество есть только кровъ на одну ночь.

Онъ уходитъ блуждать по землѣ. Да направитъ Богъ шаги бѣднаго изгнанника.

XLII.

И отечество мнѣ было указано.

Я былъ поднятъ выше царства тѣней, и я видѣлъ, какъ время проносило ихъ съ невыразимой быстротою черезъ пустоту, подобно тому какъ полуденный вѣтерокъ гонитъ легкіе пары, и они скользятъ въ отдаленіи надъ равниной.

И я подымался все выше и выше; и мнѣ открылись дѣйствительности, невидимыя для тѣлеснаго

глаза; и я слышалъ звуки, у которыхъ нѣтъ эхо въ этомъ царствѣ призраковъ.

И то, что я слышалъ то, что я видѣлъ было такъ живо, моя душа воспринимала все это съ такой силой, что все то, что я прежде видѣлъ и слышалъ, казалось мнѣ теперь смутнымъ сномъ ночи.

Что скажу я еще дѣтямъ ночи и что могутъ они понять? И съ высотъ вѣчнаго дня не упалъ ли я также обратно къ нимъ въ лоно ночи, въ царство времени и тѣней?

Я видѣлъ какъ бы огромный, неподвижный, безбрежный океанъ, и въ этомъ океанѣ три океана: океанъ силы, океанъ свѣта, океанъ жизни; и эти три океана, проникая другъ въ друга, но не сливаясь, образовывали только одинъ океанъ, только одно единство—невидимое, самодовлѣющее, вѣчное.

И это единство былъ Тотъ, Кто есть; и въ нѣдрахъ его бытія невыразимая связь соединяла между собою три Лица которыя мнѣ были названы, и имена ихъ были—Отецъ, Сынъ, Духъ; и тамъ было непостижимое зарожденіе, таинственное дыханіе, живое, плодотворное; и Отецъ, Сынъ, Духъ были—Тотъ Кто есть.

И Отецъ являлъ мнѣ себя какъ могущество, которое, внутри безконечнаго Бытія, одно съ нимъ, совершаетъ одно дѣйствіе, предвѣчное, полное, безграничное, которое есть само безконечное Бытіе.

И Сынъ являлъ мнѣ себя какъ слово, предвѣчное, полное, безграничное, которое изъясняетъ то,

что творитъ могущество Бога, изъясняетъ, что оно есть безконечное Бытіе.

И Духъ являлъ мнѣ себя какъ любовь, изліяніе, взаимное дыханіе Отца и Сына, оживляющее ихъ общею жизнью, оживляющее жизнью предвѣчной, полной, безграничной,—безконечное Бытіе.

И эти три были—одно, и эти три были—Богъ, и они сливались и соединялись въ непостижимое таинство одной матеріи; и этотъ союзъ, это сліяніе были, въ лонѣ необъятности, вѣчной радостью, вѣчной страстью Того, Кто есть.

И въ глубинахъ этого безконечнаго океана Бытія плыло, колебалось и росло твореніе подобно острову, который безпрерывно растетъ своими берегами въ безграничное море.

Оно распускалось подобно цвѣтку, который распространяетъ свои корни въ водахъ и протягиваетъ свои длинные побѣги съ чашечками по поверхности.

И я видѣлъ какъ существа образовывали безконечную цѣпь, рождаясь и развиваясь въ ихъ безчисленномъ многообразіи, впивая и питаясь неисчерпаемыми соками, силой, свѣтомъ и жизнью Того, Кто есть.

И все, что до сего времени было скрыто для меня, открылось моимъ взорамъ, которымъ не мѣшала болѣе матеріальная оболочка сущностей.

Свободный отъ земныхъ путъ я переходилъ изъ міра въ міръ, какъ здѣсь на землѣ умъ переходитъ отъ мысли къ мысли; и погрузясь и затерявшись

въ этихъ чудесахъ могущества, мудрости и любви, я погрузился и затерялся въ самомъ источникѣ любви, мудрости и могущества.

И я почувствовалъ, что есть отечество; и я упивался свѣтомъ, и моя душа, охваченная волнами гармоніи, засыпала на небесныхъ волнахъ въ невыразимомъ экстазѣ.

И затѣмъ я видѣлъ Христа, одесную Отца его, сіяющаго лучами безсмертной славы.

И я видѣлъ также какъ бы мистическаго агнца, закланнаго на жертвенникѣ; миріады ангеловъ и людей искупленныхъ его кровью окружали его, пѣли ему хвалу и благодарность на языкѣ небесъ.

И одна капля крови Агнца упала на томящуюся и больную совокупность жизней, и я видѣлъ какъ она претворилась, и всѣ творенія, которыя она заключала, затрепетали новой жизнью и всѣ возвысили голосъ, и этотъ голосъ говорилъ:

„Святъ, святъ, святъ, Кто уничтожилъ зло и побѣдилъ смерть“.

И Сынъ склонился на грудь Отца, и Духъ покрылъ ихъ своею тѣнью, и между ними совершишилась божественная тайна, и небеса въ молчаніи затрепетали.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Страница 51, строка 13-ая сверху—*въ страхъ*	*въ страхъ*
Страница 51, строка 15-ая сверху—*какъ же свободны*	*какъ же вы свободны*
Страница 64, строка 10-ая снизу—*которое*	*которыя*
Страница 80, строка 13-ая сверху—*Этотъ былъ шумъ*	*Это былъ шумъ.*
Страница 93, строка 1-ая снизу—*молооой*	*молодой*
Страница 93, строка 3-я снизу—*дтъ*	*отъ.*

Печатается

1-й выпускъ еженедѣльнаго журнала для самообразованія

„Земля и Трудъ"

Изданіе А. Е. Бѣляева.

Отдѣльные вып. будутъ продаваться по 7 коп. за экземпляръ.

Печатается 1-й выпускъ еженедѣльнаго журнала

„Земля и Трудъ“

Изданіе А. Е. БѢЛЯЕВА.

Въ 1-омъ №-рѣ между прочимъ будутъ помѣщены: „Манифестъ Равныхъ“ **Сильванъ Марешаля**.—„Организація интернаціонала“ **Мих. Бакунина**.

Отдѣльные №№ будутъ продаваться по 7 к. за экземпляръ.